Эту книгу под псевдонимом Р. Лоза написал известный журналист, телеведущий и писатель, автор популярнейших телепрограмм и телесериалов, чье творчество знают все не только в Украине, но и далеко за ее пределами. Он не поставил свою фамилию на обложке, опасаясь преследований со стороны существующей в Украине власти.

«**... Помню,** задумчиво куря до глубокой ночи, я, уже понимая, что не устою, соглашусь, так и не стал звонить заказчику и говорить «да», заснул, и только утром, сонно глотая первый кофе под скучный телевизионный выпуск новостей, вдруг аж подпрыгнул, увидев на экране в каком-то очередном язвительно-обличающем сюжете знакомое всем лицо. Да что тут думать! Это же она, рыбка моя, мой, так сказать, объект! Радуйся, заказчик, автор принял решение!..»

Р. Лоза

НЕвыполненный заказ

Підписано до друку 10.01.02. Формат 60×84/16.
Папір офсетний № 1. Друк офсетний.
Зам. № 201-101-0051. Наклад 500 000 прим.
Надруковано в друкарні ДП «Такі справи»
з готових фотоформ, наданих ПП «Продукт БВО».

© «Такі справи», 2002
Тел.: 8-044-446-9020

Р. Лоза

НЕВЫПОЛНЕННЫЙ ЗАКАЗ

Киев
2002

Р. Лоза
Невиконане замовлення, К., 2002.

... Помню, задумчиво куря до глубокой ночи, я, уже понимая, что не устою, соглашусь, так и не стал звонить заказчику и говорить «да», заснул, и только утром, сонно глотая первый кофе под скучный телевизионный выпуск новостей, вдруг аж подпрыгнул, увидев на экране в каком-то очередном язвительно-обличающем сюжете знакомое всем лицо. Да что тут думать! Это же она, рыбка моя, мой, так сказать, объект! Радуйся, заказчик, автор принял решение!..

... Пригадую, задумливо курячи далеко запівніч, я, вже розуміючи, що не втримаюсь, погоджуся, так і не зателефонувавши замовнику, аби сказати «так», заснув, і лише вранці, сонно ковтаючи каву під нудний телевізійний випуск новин, раптом аж підскочив, побачивши на екрані в якомусь черговому брутальному сюжеті всім знайоме обличчя. Та що там розмірковувати! Це ж вона, рибка моя, мій, так би мовити, об'єкт! Тішся, замовнику, автор прийняв рішення!

ISBN 966-7208-10-9

© Р. Лоза, 2002
© О. Прокопенко, фото

Пани Юля смотрела на меня.

Она улыбнулась.

И даже не молодым, нет, пронзительно-юным было ее лицо.

— Я скажу: "Дорогие мои! Мы с вами победили! С этого момента у нас начинается Настоящая Жизнь! Я уверена, что через три года мы снова отпразднуем Победу. Победу над нищетой, безысходностью, беззаконием. Я с вами, вы со мной. И все мы со своей Родиной. Мы вместе — команда Победы!"

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Пани Юля!

Не знаю, поможет ли Вам хоть чем-нибудь эта книга — сбивчивая и странная, но я писал ее с нежностью и надеждой!.

Храни Вас Господь!

Ю. Р.

в будущем!.. Но ведь на амбразуру никто не бросается, никто!

Трусость? Да нет даже! Ну, может человек за девушку заступиться перед хулиганами, за котика перед сворой дворняг... Так цена же другая!!! По физиономии получишь или там псы покусают... А Вы же все, всю жизнь поставили на карту!.. Почему люди ругают власть в троллейбусах, а не на площадях, да и то все осторожнее? Почему здоровенные мужики боятся перемен, хоть им и терять-то нечего в их убогой жизни?!.. Почему я, трусливая сволочь, не пойду завтра на Крещатик кричать правду о Вас, а если и пойду, то толку от этого будет немного?!!

— Вы сами только что ответили себе,— *сказала мне эта непостижимая женщина.*— Не надо подвергать себя лишениям и преследованиям, если это не даст результата. Тот, кто не может и не знает, как сделать свободной и счастливой свою страну, не обязан посвящать этому свою жизнь. Я — ОБЯЗАНА. ПОТОМУ ЧТО Я МОГУ.

Пройдут годы. Как-то сложится оставшаяся часть жизни. Но никогда в жизни не забуду, что услышал и почувствовал я, усталый и прокуренный, в этот миг. Сидя за дощатым столом. На даче под Киевом...

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Рассвет был люто-холодный. Деревья скрипели от колючего бесснежного мороза. Пани Юля вышла проводить меня до джипа, набросив что-то нелепо-трогательное на плечи. У меня оставался один, последний вопрос, загодя еще придуманный (помните, я говорил?):

— Пани Юля, а когда Вы станете президентом, что Вы скажете людям в своем первом обращении?

Уже открыв дверцу, я оглянулся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Мода — вещь интересная и непредсказуемая. Иногда модными становятся вещи и вовсе странные — например, книги об олигархах. Чаще всего такие книги сами же олигархи и заказывают, сразу же, при выплате аванса, сообщая автору — нашему ли, иностранному, неважно — как они должны в этой книге выглядеть. Выглядеть почему-то все они (интересное совпадение, правда?) хотят совсем непохожими на себя — добрыми, открытыми, интересными и воспитанными — короче, этакими лапочками, лучшими друзьями детей, инвалидов, собак и кошек всей страны и мирового сообщества.

Платят они, неплохо, да это и понятно: автору-то предстоит создать не жизнеописание, а самый настоящий роман-утопию, потому как напиши он даже полуправду, не говоря уже о правде — получится книжка о Бабайке, впору детей на ночь пугать. Такие уж они в жизни, наши политики-олигархи, ничего не поделаешь. Опять же, так уж вышло, что денег у них много и на себя они их тратить не жалеют. Тоже такая общая черта характера наблюдается. Любопытно, да?

Может быть, для кого-то такой заказ — дар Божий, да что там "может быть" — наверняка, только эти игры уже не для меня. Во-первых, люди меня любят за то, что я написал, и стыдно мне было бы так откровенно им врать (да и не обманешь человека, не так это просто. В красивую сказку он готов поверить, в приукрашенную ложь — не особенно), а во-вторых, знаком я (каюсь) с несколькими влиятельными дядьками, вершащими судьбы нашей бедной Украины. Пил с ними водку (еще больше каюсь), предавался разгульным удовольствиям... В общем, проводил время. И так мне каждый раз

утром бывало тошно после этих гулянок, что передать не могу. И не похмелье это было, и тем более не алкогольное отравление — как же можно отравиться коньяком по 200 $ бутылка?! — а совсем другое состояние, хотя на отравление тоже похожее. Наверное, просто общаясь с некоторыми людьми, тоже можно отравиться. Ощущение такое, словно мухоморов наелся.

Может быть, поэтому именно я и удивился немного, когда мне самому КНИГУ ОБ ОЛИГАРХЕ ЗАКАЗАЛ НЕ БУДУЩИЙ ГЕРОЙ (А ВЕРНЕЕ — ГЕРОИНЯ), А СОВСЕМ ДРУГОЕ ЛИЦО — БОГАТОЕ И ПОЛИТИЧЕСКИ МОГУЩЕСТВЕННОЕ. Сам олигарх, если разобраться... Мог бы сказать, кто, да только береженого Бог бережет, слишком уж часто он в телевизоре появляется... И, кроме того, зачем: заказ же я так и не выполнил... По рукам ударил, оговорил сроки, и не выполнил. Случилось со мной такое впервые за всю мою писательскую жизнь, мне бы переживать, а я все благодарю Бога, что так вышло. Потому что иначе я бы попросту не написал то, что Вы сейчас читаете, а может, книжка эта — самое главное, что я должен был сделать для людей. Главнее всех моих предыдущих хитов и сказок... Призов и грамот в красивых рамочках... Может, я для ее написания на свет родился...

Но вернемся к заказу. Я для вида поломался немного, я это умею, попросил немного времени — "подумать". Хотя, что тут думать, если гонорар был предложен царский! Может, прежние достижения уже на меня работали?.. А чтобы не особенно я задумывался, зачем понадобилась изобличающее мое творение о той, кого только ленивый не ругает, добавил щедрый заказчик, что переведут будущую книгу на английский незамедлительно, и вся современная Европа ее прочтет. А потому надо, чтобы была она, "олигархиня", в моей книге зловещим политиком-кровопийцей, жирующим на народной крови,

И чувствуя (автор всегда это чувствует, поверьте на слово) неумолимое приближение последней страницы, снова сыграл я "в шпиона", незаметно включил под столом диктофон, когда мы пили кофе с молоком и печеньем.

Нет, не поймать на чем-нибудь, не уличить пани Юлю мне хотелось. Просто интересно стало — а как она будет говорить не в диктофон. Детство, конечно, только я мудрым и не прикидывался...

— Пани Юля, мне, знаете, для себя самого интересно,— я с хрустом надкусил печенюжку. — Почему, именно Вы, не задумываясь, готовы платить любую, самую страшную цену за спасение Родины?.. Почему не о себе и своих близких думаете (это же не стыдно, это — в природе человеческой!), а обо всех нас — разных, не святых, иногда трусливых, часто мелочных и почти всегда корыстных. Я не только о других говорю, сам не лучше! Ответьте мне, не как политик, просто по-человечески...

Пани Юля не отложила печенье, не отодвинула чашку. Ответила просто так...

— Если честно, мне часто задают этот вопрос... Мне кажется, любой человек, имеющий хоть остатки совести, не может спокойно на это смотреть...

Так я пытался подслушать.

ВСПЫШКА

Это я вспыхнул. Не пани Юля. Она была очень спокойной. Только бледной — до утра досидели...

— Пани Юля! — закричал я, но тут же осекся (все в доме спали) и продолжал негромко, но нервно.— Да почти все возмущены тем, что в Украине происходит!.. И найдите мне на улице человека, который Кучме верит!.. Или старика необманутого!.. Или молодого человека, который полностью уверен

Король, конечно, страшно разгневался. И приказал судье передумать. Но в судье уже жила человеческая душа, и он не послушался. Тогда король приказал страже сорвать с груди бывшего королевского судьи все награды, отобрать все золотые монеты, а самого его отдать под суд! Так те и сделали.

Но девушка Юлия была уже на свободе. И все люди слышали, что она невиновна. И еще слышали, что жить без радости нельзя. И многие люди запретили себе привыкать ко многому. А этого король боялся больше всего на свете...

А у судьи больше нет золота и наград. И король обещает посадить его в темницу. Но судья все равно очень счастлив — разве может не быть счастливым человек, снова почувствовавший, что у него есть душа?!..

* * *

Я рассказал вам историю оправдательного судебного решения по Юлии Тимошенко. "Ерунда!!! Сказки!!!" — скажете вы. Поэтому я и рассказал сказку, хотя все именно так и было на самом деле. И живет на свете судья с проснувшейся душой. И есть у него имя, отчество и фамилия. И его сейчас пытаются уничтожить.

А вот вы не замечаете, что слишком уж ко многому уродливому сумели привыкнуть?..

ЭТО Я ПОДСЛУШАЛ...

Чувствовал я со светлой грустью, как заканчивается, приближается к обложке книжка моя о пани Юле. Нужная ли? Забытому уже заказчику — явно нет, для меня самого — может, самая нужная в жизни, главная из всего, что пришлось за годы написать. Только не во мне же дело — хочется, чтобы как можно больше людей прочло ее, может, сбивчивую, но грустно-честную...

как и положено. Такими их в Европе представляют, наших украинских олигархов (и не слишком ошибаются, кстати говоря). Чего уж там. Галерея достойная. Кого ни возьми, среднего англичанина можно испугать до крупной дрожи. Одна беда — могут не поверить, что такое возможно, что такие люди не то что в парламенте, а вообще на свете есть. Смягчать детали надо, цивилизованную психику щадить. Мы-то ко всему привычные, а они...

Помню, задумчиво куря до глубокой ночи, я, уже понимая, что не устою, соглашусь, так и не стал звонить и говорить "да", заснул, и только утром, сонно глотая первый кофе под скучный телевизионный выпуск новостей, вдруг аж подпрыгнул, увидев на экране в каком-то очередном язвительно-обличающем сюжете знакомое всем лицо. Да что тут думать! Это же она, рыбка моя! Радуйся, заказчик, автор принял решение!

Да и как не принять! Молодая, стройненькая даже, каштановые волосы вокруг усталого (круги под глазами) лица... Маскировка, ясное дело, стилисты постарались. Сама-то — миллионерша, бандитка, газовая принцесса, ворует Украину кусками, раздает взятки направо и налево и бьет прислугу по лицу (жене косметолог рассказывала, а той — одна влиятельная банкирша, а той — подруга-депутатша...). В общем, информация надежная.

Юля. Юлечка, как называет ее в тайных записях майора Мельниченко господин Президент, добавляя при этом парутройку причудливо-матерных словосочетаний. Я тебе покажу колючие глаза!.. И твердый голос покажу!..

Остатки сна улетучились. Чувствуя приятный охотничий холодок в груди, я тут же позвонил в приемную державного своего заказчика. Он обрадовался, сказал, что за авансом могу зайти в любое время!.. Золото, а не заказчик!

Окончательно повеселевший, я принял контрастный душ, побрился, растерев лицо дорогим одеколоном (миллионерши — они тоже женщины!), быстро оделся (кейс со всем необходимым был заготовлен заранее), схватил ключи от джипа и посмотрел на себя в зеркало. Красавец! Молодой лев! Вы еще не догадываетесь, Юлия Владимировна, как я вас разорву, выставлю воровкой и стервой перед всем народом (о довольном заказчике и говорить нечего, воображаемые пачки долларов, казалось, уже оттягивают карман!), как Вы, сами того не ведая, дорогуша, расколетесь перед модным писакой, очарованные его улыбочкой, внимательным взглядом и притворным дружелюбием. Вы, конечно, барышня непростая, это ясно, но и я не вчера родился! И, самодовольно улыбнувшись зеркалу, шагнул за порог, к лифту.

И все у меня получалось в этот день: и прямой телефон офиса "украинской принцессы" достал одним звонком у знакомого депутата, и ее секретарь легко, после короткой совещательной паузы, назначила мне время на следующий день (наверное, относительная популярность сработала), и коварный план беседы сложился за час работы у компьютера... И, откинувшись в кресле, и с наслаждением закурив душистый "Кэмел", почувствовал я себя таким крутым и беспощадным "охотником за олигархами", что даже улыбнулся. Хорошо, зеркала передо мной не было. Противной, наверное, получилась улыбочка... Циничной и самодовольной...

А через две недели, куря все тот же "Кэмел", стоял я, все тот же, только усталый и рассветный (а еще запоздало и резко повзрослевший), в палисаднике пригородной дачи. Первые лучи упали на голые яблони и острые верхушки сосен, стелился молочный туман, размывая все вокруг, а у меня дрожали пальцы и слезились глаза, и сердце сжималось от боли за измученную мою, терпеливую Родину, от тревоги за эту му-

живая душа, которую Господь дает при рождении каждому (а королевский судья тоже был когда-то маленьким мальчиком, да-да, не удивляйтесь!..), давно покинула судью — остались только злое лицо, мантия и деревянный молоток. А больше для его работы ничего и не нужно.

Но однажды на суд привели молодую и красивую девушку с весенним именем Юлия. Она, конечно же, была страшной преступницей — хотела, чтобы все люди жили счастливо, чтобы не было тиранов и палачей, а главное — чтобы люди перестали привыкать ко многому уродливому. Потому что, если привыкать ко многому уродливому, то перестаешь замечать, как красивы рассветное солнце и радуга после дождя, а значит — живешь только для того, чтобы умереть...

Теперь вы поняли, что Юлия была страшной преступницей? Так вот, за это король приказал судье объявить девушку виновной и жестоко наказать. Все люди знали, что так и будет. Когда это такое было, чтобы королевский судья ослушался своего государя! Никто и предположить не мог, что живая душа не покинула судью, а просто уснула и очень долго спала — есть такая болезнь, особенно часто она почему-то встречается у тех, кто служит королям в некоторых государствах. Правда, обычно она спит в них до самой смерти, пока ее не разбудят на том свете... А в нашем судье душа неожиданно проснулась! Причем, именно в тот день, когда нужно было судить девушку Юлию. Строгий судья надел мантию, взял молоток, выслушал обвинение и громко объявил, что девушка невиновна. Потому что действительно нельзя не замечать красоту рассветного солнца и радуги после дождя, и полевых цветов, и вообще всего прекрасного, что создал и подарил нам Господь. И нельзя жить только для того, чтобы умереть!

И приказал судья немедленно отпустить Юлию.

Так вот. Даниле повезло. Почти что сразу поймали настоящего убийцу, Данилу выпустили, даже извинились (не по телевизору, конечно, так ведь и об аресте всей стране не сообщали). Кроме того, как положено, пришел участковый, объяснил всем, что ошибка вышла, невинного человека два дня в камере продержали... Вроде бы, все ясно. Да вот только с того дня стали все остерегаться этого милого человека огромного роста. И нам, детишкам, строго-настрого велели его бояться. И мы боялись...

Легко сделать из человека преступника, да, господин президент? Обвинить пару раз несправедливо, а там люди все сами додумают...

ДУША
(сказка о королевском судье)

Помните, я обещал себе и Вам, что обязательно выведаю историю освобождения и оправдания пани Юли? Я, конечно же, выведал, и сейчас расскажу ее Вам в виде сказки. Почему в виде сказки? Сами поймете.

Так вот, в некотором царстве, в тоталитарном государстве жил-был королевский судья. Он не был честным человеком — разве честный человек может быть судьей в тоталитарном государстве, сами подумайте? Судья верно служил своему королю-тирану, часто казнил невинных или оправдывал преступников. Такая у него была работа. Он не должен был быть справедливым. Он должен был выполнять королевские указы. Так положено судьям в некоторых царствах... Король любил своего судью за послушание и наградил его мешками золотых монет и множеством наград — столько наград не получали даже бесстрашные рыцари на войне.

Люди привыкли к тому, что судья не бывает справедливым. Люди привыкают ко многому. Они были уверены, что

жественную и мудрую, но такую же, как и все мы, беззащитную женщину, пани Юлю, превращенную купленными и перепуганными телеканалами в монстра в юбке, от страха, что не смогу я или не успею сказать людям, как близко это и доступно (особенно сейчас, перед выборами) — выбрать достойную жизнь и гордость за свою страну, что не поверят мне или попросту не дадут мне это вслух сказать, потому что все возможно сейчас в Украине, ПОТОМУ И ФАМИЛИЮ СВОЮ Я НА ОБЛОЖКЕ НЕ НАПИШУ, ЗАБОЮСЬ...

И даже сам я удивился, как наплевать мне было в эти минуты, такому "коммерческому" и циничному, на пачку еще совсем недавно доступных долларов, которая уже не ляжет в мою тумбочку, на доморощенного мордастого заказчика, издание на Западе и вообще на все сытые Англии-Америки и прочие Швеции. Потому что прислонился я в эту минуту к шершавому стволу украинской нашей яблоньки, а в каких-нибудь пятидесяти километрах от меня уже просыпались, чтобы накормить кур или убогую скотину, исстрадавшиеся мои родные украинцы, и тоже в пятидесяти километрах — только в другую сторону, к столице — уже застыли страшными памятниками плакатной независимости у входов в еще закрытые магазины старички и старушки, готовые со слезами на глазах вымаливать у выходящих "господ" пару копеек на хлеб и лекарство...

Из дома выглянул Александр, муж пани Юли, позвал в дом: "Холодно, простудишься, заходи, я чай приготовил...", я пробормотал что-то вроде "Спасибо, я сейчас...",— а сам снова закурил, действительно дрожа, но не так от прохлады осеннего утра, как от гадкого и унизительного ощущения собственной малости и беспомощности, оттого, что вот в десятке метров от меня сидит за столом бледная девушка, и Господь дал нам ее, умеющую и желающую превратить Украи-

ну в такую страну, о которой мы мечтали в декабре 91-го, и голодных накормить, и запустить заводы, и починить школы и больницы, да только не докричусь я, совсем недавно еще такой крутой и удачливый, до людей — это тебе не модные книжки и популярные телесериалы сочинять, и жить моему обманутому народу в нужде и пустых надеждах долгие и долгие годы, а мне — до конца дней с тяжелым, как гантель, чувством вины в душе...

Я все-таки зашел в дом, глотнул горячего чаю, немного пришел в себя и решил — все равно напишу книгу (не для заказчика уже, конечно, уж кто-кто, а он мне мое непослушание не раз припомнит). Напишу книгу для людей. Конечно, замажут, задавят мою маленькую и болючую рукописную правду сотнями брехливых, но ярких телепрограмм, плакатов напечатают тысячи (денег-то наших с вами у НИХ хватает!), может, еще что-нибудь придумают, вроде того, что Украина уже опередила всех по темпам роста промышленности и уровню жизни народа и большего ей и желать-то нечего...

Никогда не думал, что так это горько и тягостно — знать правду, чувствовать ее, но понимать, что, скорее всего, не получится у меня донести ее до людей, а тем более убедить их. Ведь ни выгод не ищу для себя (какие там выгоды, заказчик уже давно меня послал), ни славы (фамилию, и ту с обложки уберу), а все равно могут не поверить. Да и не удивительно: за десять лет научилась власть врать мощно, грамотно, ничего не скажешь, трудно одиночке ее переплюнуть...

И все равно по дороге домой вел я — лихач и гонщик — свой джип по шоссе медленно и осторожно. Чуть ли не впервые в жизни. Я берег себя, не смейтесь. Берег, потому что маленькой, но чистой и яркой, как алмазная бусинка, жила во мне правда о Юлии Владимировне Тимошенко, пани Юле, и не имел я в эти минуты права на глупую случайную смерть, как не

ный раз, когда я заплакала в тюрьме..,— Тимошенко опомнилась.— Только не говорите никому, ладно?..

Извините, пани Юля, скажу. Слишком это красиво и почеловечески... Жаль, не было в том тюремном небе выпущенного мною шарика...

ОБИДА

— Самое обидное,— *начала пани Юля, и я навострил уши,*— это то, что даже испытания, которые пришлось мне пережить, помогают Кучме с его окружением делать из меня преступницу... Они надеются, что люди не пойдут за "скомпрометированным" политиком... Телеканалы дружно кричат о каждом липовом уголовном деле, заведенном на меня. Я понимаю, что это зона лжи. Но сейчас, когда все эти уголовные дела лопаются одно за другим, причем, закрывать их вынуждена сама прокуратура под давлением суда с формулировкой "за отсутствием состава преступления", почему продажные телеканалы об этом не кричат так же дружно, как кричали об открытии уголовных дел. Почему людей оставляют в неведении, что все обвинения по российской, украинской контрабанде с меня полностью сняты. Вот об этом людям не сообщил никто. Хотя в таких случаях принято приносить извинения — обвинили-то на заказ, лживо, несправедливо... А получается, что пустые обвинения остаются в памяти людей, а оправдания — нет.

И снова (в который раз) всплыло в мозгу давнее, казалось бы, давно забытое. В райончике, где я жил с родителями (лет шесть мне было), проживал огромный добродушный дядька Данило. Как-то приехала милиция (все, конечно, сбежались посмотреть) и, скрутив Данилу, засунула его в "воронок" и увезла. А людям объявили, что задержан Данило по подозрению в убийстве. Мол, кто-то видел его на месте преступления или что-то в этом роде...

во время обеда мне пытались выловить из огромного чана с тюремной баландой хоть сколько-нибудь съедобный кусок...

И тут я вспомнил!

АНАНАСЫ В ШАМПАНСКОМ!

— Минутку, пани Юля! — (как я только мог забыть!!?).— Баланда?.. Да я, как сейчас помню — телеканалы наперебой, боясь опоздать, показывали три дня подряд список продуктов, который Вы в тюрьму заказывали!.. Хит недели был — Тимошенко в камере питается семгой, профитролями, прочими ананасами...

— Да,— *кивнула пани*,— хороший был ход. Подлый, но талантливый... Это не Долганов придумал, он так не умел... Явно работал кто-то из приглашенных специалистов. Представьте себе — сидит какой-нибудь человек дома перед телевизором и думает: "Вот же сволочь эта Тимошенко! Я себе на свободе хлеба не могу купить, а она в тюрьме рябчиков ест!" Очень подлый обман. Но тогда, в СИЗО, я ничего об этом не знала. И была тронута до слез тем, что заключенные, опять же украдкой, подкладывали мне в тарелку хоть что-то, по местным меркам, повкуснее...

ПРАЗДНИК

— Но самым счастливым моментом в тюрьме, если так вообще можно говорить, было 8-е марта, женский день. И люди пришли меня поздравить. Тысячи людей...

— *Как пришли?! В тюрьму?..*

— Конечно, нет. Их бы никто не пустил. Просто я услышала, как множество голосов скандируют: "Юля, Юля!", припала к решетке... И тут в небо взвилось облако воздушных шаров, к каждому на нитке был привязан цветочек или плакат "Поздравляем!". Я могла видеть их только издали, но более дорогого подарка к женскому празднику не получала никогда... Это был единствен-

имеет права целый народ терять надежду на счастье и достоинство...

ДВА ШРИФТА

Сейчас, уже перепечатывая написанное, понял я (или почувствовал, так верней), что в моей книжке будет два шрифта — мой писательский курсив, на рукописный текст похожий, и печатные буквы, *твердые и четкие, как и сами слова пани Юли (извините, не могу называть ее официально, не получается, слишком много тепла и веры в свой народ влила она, хрупкая эта и непоказушно сильная женщина в мою душу, слишком уж другим стал я после встречи с ней).*

Да, говорит она четко и суховато. Предельно ясно говорит. *А вот ораторствовать, вещать цветасто не умеет. Для политика это недостаток, я понимаю. Я и сам не в первый день знакомства, позже, конечно, говорил ей об этом, даже тексты выступлений предлагал бесплатно сочинять. Говорил, что так и Президент делает, и другие видные политики. Она отказалась. И ответ ее был таким же четким и понятным, как шрифт, который я выбрал для ее слов:*

— Я слишком уважаю людей, чтобы пытаться завоевать их любовь и доверие пустыми красивыми словами. Понимаю, многие люди власти, даже страдающий косноязычием президент, ораторствуют по-написанному намного лучше меня. Это не страшно. Страшно другое: каждое их слово — это ложь, все дальше уводящая человека от самой возможности жить достойно. И делают они это, как и все прочее, с одной-единственной целью: и дальше безнаказанно, бесконтрольно "делить" власть и государственный ресурс.

Я не понял, о каком ресурсе идет речь. Оказалось, ресурс — это все, что есть у украинского народа — деньги, земли, заводы, фабрики, самолеты, дома. Наша с вами Родина, одним сло-

вом. Я сам понял это и тут же простым языком объяснил вам. Теперь понятно, зачем нужен мой неполитический курсив?

"В ЛОГОВЕ"

Давным-давно научился я превращать работу в игру и получать от этого огромное удовольствие. Собираясь в офис "украинской принцессы", я чувствовал себя чуть ли не Джеймсом Бондом , отважным агентом, который с неотразимой полуулыбочкой готовится к проникновению во вражеский бункер. Упаковав в кейс папку с бумагой и новомодный диктофон, я хотел было спрятать второй, секретный, под пиджаком, но передумал — все равно похожие на пришельцев, бритоголовые и одинаковые качки-охранники еще на входе ощупают меня своими крепкими, как пассатижи, пальцами, только испорчу все в первый же день. Услужливое писательское воображение тут же дорисовало картинку: я, избитый и истекающий кровью, прикован к трубе в душном подвале, один из "качков", схватив меня за волосы, мощно, до хруста, запрокидывает мое лицо, и олигарх Юлия Тимошенко, ничуть не смущенная видом крови, с интересом вглядывается в мои потемневшие от боли зрачки, выпуская в них дым дорогой тонкой иностранной сигаретки...

Картинка получилась неприятная, я ее привычно отогнал, вернувшись к романтическим аспектам писательски-шпионского труда. Закончил приготовления, бросил взгляд на часы, затем — в зеркало, и отправился навстречу приключению (так мне в тот момент казалось).

И, не поверите, даже разочарован я был, чуть ли не обижен в лучших своих ожиданиях, когда выяснилось, что "логово" находится в старом, знакомом мне с детства огромном здании, вместе с каким-то музейным фондом или вроде того, что

ТАЙКОМ

Пани Юля продолжала говорить, диктофон, мигая красным глазом, все записывал, а я все думал — она так и не упомянула о том, что мне рассказал один влиятельный человек в погонах (фамилию, конечно, не назову — не хочу, чтобы он их, эти самые погоны, незаслуженно потерял). Тогда он, конечно, не в погонах был, на рыбалке все происходило, около потрескивающего костра...

А рассказал он мне — так, между прочим — что, привезя Тимошенко в тюрьму, посадили ее первым делом в абсолютно черную, без лучика света, камеру. Посадили и "забыли" о ней на три часа... Способ давний, проверенный — матерые урки и те от полного мрака "плывут" очень быстро, а уж всякие там бизнесмены, из роскошных пригородных особняков привезенные, так уже через пять минут рыдать начинают, как дети — слишком велик контраст между привычной роскошью и жутким черным застенком... Потом с надломленными "работать" легче...

К чему я это? А к тому, что он восторженно говорил: "Представляешь, старик, она молчала! МОЛЧАЛА СЕБЕ!!! Открыли запоры — а она сидит на сумочке своей арестантской... И ни одной слезы! Ни хрена себе баба, представляешь?!.."

Не представляю. И сам бы таким сильным быть, наверное, не смог. Поэтому я — это я, а она — Юлия Тимошенко... Та самая.

А ПАНИ ЮЛЯ ПРОДОЛЖАЛА...

— Кстати, другие узники — другого слова для тех условий, в которых мы находились, не подберешь — часто просто по-отечески опекали меня. Хоть никто их к этому не вынуждал, даже наоборот — наверняка высшее начальство заранее приказало не заступаться за "государственную преступницу"... Так вот — даже

— Это отдельная история,— *глаза пани Юли вдруг очень-очень потеплели, и я пообещал себе, что выпытаю эту самую "историю" во что бы то ни стало, не забуду.*— Я сейчас о другом хочу сказать. В довершение к нашему разговору о популярности и агитации... Люди, которые меня окружали в тюрьме, я не сомневалась (а потом узнала, что так оно и было), получили указание создать для меня невыносимые условия с намерением довести до самоубийства. Даже руководителя государственного департамента по исполнению наказаний, пожилого и очень порядочного человека Кучма уволил по подозрению в мягком ко мне отношении,— *я замер.*— Так вот, если и исполняли мои сторожа волю начальства, то без лихости и инициативы. Да и неудивительно — не палачи же они от Бога, их земные матери родили, и вся их жестокость от той же самой слепой беспросветности, которая мучает всех что в тюрьме, что на воле. А узники смотрели на меня с теплотой и уважением. Персонал, конечно, не мог откровенно проявлять в отношении меня симпатию, но украдкой, неприметно, некоторые меня поддерживали — кто лишнее одеяло принесет на ночь, будто не заметив уже имеющегося, кто тихо, сквозь зубы, шепнет: "Держись, Юля..." Мелочи, конечно, но как же они помогают там, в каменном мешке с постоянно включенным светом, если бы вы знали! Кучма и не подозревал, что именно там, в тюремных камерах и коридорах, он до конца утвердит меня в том, что я на правильном пути. Странно, президент — тюремщик, а служащие ему тюремщики — обычные люди, такие же обездоленные, как все остальные... Но тень позора несправедливая тюрьма все же на меня бросила — многие доверчивые люди до сих пор считают, что "честного человека не посадят". Дай им Бог никогда не убедиться в обратном на более близких примерах...

"к Тимошенко" — это на девятый этаж. И не надо никаких пропусков, паспорт, и тот показывать не надо.

Ничего, ухмыльнувшись, подумал я, это мы уже проходили! Старое здание с обшарпанными панелями, забитая "Жигулями" стоянка у входа... А на девятом этаже — отдельное царство, другая планета, забываешь, небось, где находишься. Это не вами придумано, Юлия Владимировна, и меня, ушлого писаку-разведчика, на это не купишь!..

Но и девятый этаж ничем не потрясал. Правда, чисто было, современно, но без какой-либо роскоши (хоть показной, хоть истинной). И охранник за стоечкой имелся — мужчина среднего возраста и сложения. И похож он был на привратника в хорошем современном доме и почему-то одновременно на диспетчера (я потом понял, почему — из-за стоящего перед ним огромного старомодного селекторного телефона с кучей кнопок). Я назвался, и уже через минуту стоял в приемной. В ТОЙ САМОЙ приемной. Я даже растерялся — и не так от ее простецкого вида — за четырьмя заваленными документами дешевыми столами работали четыре человека — трое женщин и мужчина, как от той простоты и легкости, с которой я в нее попал — без металлоконтролей, томительного ожидания на диване в углу и собеседований с хитроглазыми "заместителями" в дорогих костюмах. "Они здесь все словно сговорились разрушить мой, такой привлекательный и красивый, бондовский имидж!" — успел обиженно подумать я, а секретарь — очень положительная и милая женщина средних лет — уже открывала передо мной дверь кабинета. В совершенной уверенности, что сейчас "миллионерша Юлечка" с колючими глазами "подрихтует" все неправильные первые впечатления, я переступил порог...

* * *

...Простите меня, пани Юля. Может быть, и не стоило бы описывать всю эту мишуру — любимую, с самим собой игру в героя, все привычные забавы меня — тогдашнего, не сегодняшнего — но писательское чутье (может, и неверное, кто знает) упрямо твердит мне, что только вот так, через мою шкуру, через мою дурацкую "бондиану", замешанную на желании заработать пачку "условных единиц" и еще один кусочек попсовой славы, могу я протащить читателя через ту незримую стену зловещих слухов о Вас, умело и уверенно сочиненных и растиражированных властью, через все то, что в каком-нибудь секретном идеологическом отделе отработали, как "Создание отрицательного имиджа Тимошенко Юлии Владимировны", к Вам такой, какая Вы есть, к той, которую я узнал — нет, не при первой встрече, конечно же, намного позже. Я не стану превращать эту книгу в коммерческий бестселлер и оставлю Вас на этих страницах настоящей, так разрешите и мне быть в ней самим собой — со всеми фокусами человека, до недавнего времени лишь играющего в жизнь. Договорились?

Итак, я переступил порог кабинета...

* * *

Он не был огромным, но все равно казался слишком большим для ее хрупкой фигуры. Особенно это ощущение подчеркивали знамена — родное, "жовто-блакытное" и другое, мне незнакомое, как я потом узнал, флаг партии "Батьківщина". Красиво закрепленные в углах по обе стороны письменного стола они гордо подавляли все вокруг, как и положено знаменам. И ОНА поднялась и шагнула мне навстречу, протянув ладонь, худую и прохладную, красиво-беззащитную, очень женскую. Аккуратные волосы, внимательные темные глаза (правда, никаких колючек в них не было, а может, я не заметил),

О ЗАСТЕНКЕ

— Тюрьма, конечно, очень страшное место,— *по обыкновению негромко заговорила пани Юля, и я приготовился к леденящим кровь описаниям казематных ужасов, но — в который раз уже! — ошибся.*— Люди находятся в совершенно невыносимых условиях. Конечно, там достаточно далеко не святых. Но большинство задержанных затем, после суда окажутся невиновными. За что они тогда сидят в жутких средневековых условиях годами? Годами! Без надежды на справедливость. Без милосердия и каких-либо извинений в случае ошибки. Среди них много детей. (Кстати, детский тюремный корпус появился при Леониде Кучме и в местном народе так и называется — "Кучмовка"). И никто не спешит с судами, которые должны либо наказать их, либо освободить. Если это — закон, то что такое тогда беззаконие? Я чувствовала их страдания, болезни, голод. Мерзла, когда мерзли они. И переносила вместе с ними побои, когда их били. Вместе с ними я каждый день умирала от отчаяния. И думала, что миллионы людей в нашей стране живут не лучше, чем в тюрьме.

Я прикипел к стулу. Она не жаловалась. И даже не демонстрировала мужество. Она попросту ГОВОРИЛА НЕ О ТОМ, КАК СТРАДАЛА ОНА, А О ТОМ, КАК СТРАДАЛИ ДРУГИЕ ЛЮДИ. Да, ребята, не на баррикадах, а на милом дачном диванчике суждено было мне понять, что отличает народного лидера от всех остальных. Такие дела...

— А зачем Вас посадили, пани Юля? Чтобы припугнуть?

Губы пани сжались в жесткую линию, и только по этому догадаться можно было, что не стальная она — всплывают беспощадно в памяти тюремные "радости". Но голос звучал привычно.

— Период запугиваний уже закончился. Кучма и олигархическая верхушка попросту решили уничтожить меня. Это был последний шаг. Я не должна была выйти из тюрьмы...

— Но все-таки Вас оправдали?

дежды... После таких встреч я особенно остро чувствую, что не могу не исполнить свой долг, не могу отступить хотя бы на шаг. И напрасно власть думает, что красочной рекламой карманных партий (ее, кстати, приглашенные из-за границы специалисты делают, интересная деталь, правда?) можно вечно морочить голову десяткам миллионов. Не поверите — я даже в тюрьме почувствовала веру людей. Самое, казалось бы, неподходящее для этого место, да?

Спасибо, пани Юля. Спасибо. Вы сами заговорили о тюрьме — жутком месте, от которого зарекаться нельзя, но в котором оказаться — не дай Бог! Теперь я уже не смогу не спросить Вас о нем, хотя даже у меня, чужого человека, сжимается болью сердце, когда представляю Вас в камерной вони и холоде. Большие выразительные глаза Александра я в эту минуту малодушно старался не вспоминать...

ПЕРЕКУР

Но сначала я все-таки перекурил в студеном и ночном (хотя не таком уж и ночном, просто темнеет рано) дворике дачи. Сосны за забором раскачивались и шумели под холодным, предзимним уже, ветром. Я кутался в куртку, привычно вдыхая неполезный душистый аромат...

От непогоды и предчувствия больших, настоящих уже холодов, особенным теплом и уютом веяло от желтых окошечек дачи. И смотрел я на говорящую с кем-то по телефону пани Юлю сквозь квадраты дощатой рамы, планки которой крестообразно пересекались. Но как я себя ни провоцировал, не вызывали эти окна ассоциаций с тюрьмой, слишком уж были человечными и домашними. Хватит забавляться, писака, сказал я себе. Все равно ты просто время тянешь. Она там БЫЛА. А тебе, видите ли, даже слушать неприятно, чистоплюю! Я раздавил сигарету в захваченной со стола пепельнице и шагнул за порог — к теплу и свету...

открытая улыбка... "Ах, как мы играть умеем!" — иронично усмехнулся спрятавшийся во мне Джеймс Бонд, он еще никуда не исчез и не собирался.

— Здравствуйте. Очень рада с Вами познакомиться. Вы по делу? Присядьте, пожалуйста. Чай? Кофе?

И тут я немного раздвоился, я это умею. Одна половинка — игрушечная, авантюрная — попросила кофе с лимоном, и, делая аккуратные глотки, начала рисовать очень привлекательные перспективы выхода книги о госпоже Тимошенко в солидном западном издательстве, а вторая, взрослая и настоящая, спрятанная, отметила для себя, что, как ни странно, никакой это не стилист работал с лицом "украинской принцессы". Совсем другие художники — и только они — умеют рисовать на лицах людей эти едва заметные, но выразительные линии. Зовут этих художников: Мужество, Напряжение, Сила Воли, Усталость, Искренность. Они не ошибаются и не халтурят. Мужчин они делают похожими на гладиаторов — это знак силы. Женские лица — особенно красивые — этих художников не любят, борются с ними всей силой своей женской природы. И обычно побеждают. Но едва уловимые тени от мазков все же остаются, потому что уживаются рядом с красотой, умеют каким-то чудом не повредить ее. Такое лицо у Юлии Тимошенко.

— Книга обо мне? — *произнесла хозяйка кабинета, выслушав мою хитрую, дома еще заготовленную речь.*— Только знаете, у меня катастрофически мало времени, постоянно не хватает. Вы сможете приезжать по вечерам ко мне на дачу? Это, конечно, утомительно, я понимаю...

"Джеймс Бонд" с великодушной улыбкой заверил даму, что ему не привыкать — по вечерам, так по вечерам, хоть в полночь! — но одновременно невесело подумал: "Там они меня и

грохнут. Дача... Ясное дело!! Место глухое, ночь. Собаки на луну воют... Грохнут и прикопают! Чтобы не повадно было книжки неправильные писать. На пару с муженьком или еще с кем...”

— Если я по какой-либо причине не смогу с Вами встретиться, секретарь будет звонить и предупреждать заранее. Ладно?

“Ясно. Железную Леди из себя корчим”,— промелькнуло в мозгу.

Мы снова стояли, прощаясь. Я ликовал — приключение продолжается! Операция по внедрению не провалилась! Клюнула, рыбка золотая! Славы европейской захотела! Будет тебе слава, за нами не заржавеет!

* * *

Когда я утратил сухую формальную объективность в отношении пани Юли? Когда сменили ее та самая Вера и досада, болюче сплетенные и неразрывные? Во всяком случае, не тогда, не после первой встречи. Это точно. Тогда во мне не то что объективности,— суперменского куража было хоть отбавляй! И игра только-только приобретала свой авантюрно-денежный вкус! И, сидя за этим вот самым компьютером, за которым сижу я в эту минуту, иезуитски-тщательно напечатал я, с вечера готовясь, список вопросов-ловушек, предназначенных для коварной “принцессы”. А в том, что она “попадется”, я даже и не сомневался; как написал кто-то из классиков жанра, “не проговаривается только тот, кто ничего не говорит”. А она говорить согласилась, да еще легко так, с полоборота! Думает, поди, что куплюсь я на устало спокойные глаза и хрупкую ладошку... Как бы не так, мисс миллионерша!.. Я — талантливый, хитрый и беспощадный! Так распишу, что ответите по законам народного гнева!

Как сейчас помню: перечитал вопросы, убедился, что ниче-

чером что делает — да телевизор включает! А там — портрет “принцессы-бандитки” во всей красе! И нет у человека ни сил, ни желания, ни возможности проверить — правду ему говорят или поливают грязью чистую и смелую женщину. И не просто женщину — политика, который может его, рабочего человека, застиранную судьбу сделать светлой и радостной!..

Прорвало меня, одним словом.

— Пани Юля! Вы же так никогда не победите ни на каких выборах! Вам на экран нужно!.. Вас не я на дачной веранде слышать должен, а миллионы и миллионы, народ украинский!..

И снова меня поразило ее спокойствие. На этот раз поначалу даже разозлило.

— Телеканалов, независимых от Кучмы и его окружения нет. Для меня эта форма общение с людьми, к сожалению, почти недоступна. Один раз, когда я еще работала в правительстве, меня должны были показать в известной программе “Самэ той”, знаете, наверное... Так вот, верный кучмист Долганов позвонил “боссу” и тот ему (я потом об этом случайно узнала) ответил коротко и ясно: “Ты лучше три раза подряд Симоненко, Витренко и Мороза покажи, хоть всех вместе, чем ее хоть раз, усек?” — *пани усмехнулась с легкой горчинкой.*— Долганов, конечно же, “усек”, путь на телевидение — любое — был для меня закрыт раз и навсегда.

— И Вы так спокойно об этом говорите? — я почти бесился.

— Знаете, я поначалу тоже очень сильно переживала то, что меня пытаются искусственно изолировать от людей. А затем поняла — ничего у “них” не получится. Конечно, дать мне свободно говорить по телевидению для Кучмы и “подельников” — значит добровольно пойти под суд за свои издевательства над народом и неизмеримое воровство. Но, вот что меня успокоило, где бы я ни была, я слышу от людей теплые слова поддержки и на-

почти, что Лазаренко и Тимошенко — одна шайка-лейка!!! Получилось у них, телевизоров наших, связать воедино "коня" и "трепетную лань".

— Потому Кучма и боится, как огня, американского суда над Павлом Лазаренко. О ком, о ком, а о Леониде Даниловиче, его "семье" и украденных у народа миллиардах Лазаренко порассказать может. Тем более, обижен он на предавшего его "друга детства"...

— Но тогда же все и всплывет!

— Тогда всплывет,— *спокойно и невесело кивнула Тимошенко.*— А пока что многие в нашу мифическую "связь" поверили. Вот Вы, например...

А крыть-то было нечем... Хорошо, снова вопрос подвернулся. Неожиданный, хороший вопрос.

— Пани Юля, а вот Вы сказали, что у Лазаренко хватка и энергия были. Может быть, думая о своем кармане, он поднял бы страну хотя бы потому, что у богатого народа украсть можно больше, чем у бедного? Стань тогда Лазаренко президентом, хорошо это было бы для Украины или нет?

Пани Юля подняла на меня серьезные глаза-каштаны:

— Став профессиональным политиком, я поняла, что это было бы катастрофой,— *она чуть помедлила.*— Впрочем, я думаю, намного большей катастрофой есть нынешнее правление Кучмы, окружившее себя толпой маленьких "кучм" — не таких заметных, но не менее жадных и жестоких, беспрестанно отрывающих лакомые куски от нашей еле живой Родины...

И НИКТО НЕ УЗНАЕТ...

После разговора о Лазаренко меня словно обожгла мысль — острая, беспощадная в своей несправедливости — ведь власти могут выдумать и озвучить любую ложь о пани Юле!!! Причем уверенно и безнаказанно. Усталый рабочий человек ве-

го из задуманного не упустил, и, каждой клеточкой ощущая, как я себе нравлюсь, залез с сигаретой в горячую пенную ванну — любимое удовольствие.

Знать бы мне, тогдашнему, совсем еще недавнему, бравирующему своей популярностью и аполитичностью, что через несчастную пару-тройку дней резко и запоздало я вдруг повзрослею, узнав (услышав, поняв, почувствовав...) лютую в своей беспощадности и простоте правду о родной стране и ее власти, что мимолетная жалость к голодным старушкам на Крещатике (дал 25 копеек и отошел с ощущением собственной доброты и человечности) сменится большой и горькой тревогой за будущее Украины...

Но я — тогдашний — этого не знал, да и предположить не мог, а потому долго играл густой пеной, думая о том, какой я крутой парнишка, затем, растеревшись до красноты, расчесывал длинные волосы, долго и нежно разглядывая себя в зеркало...

Там же, перед зеркалом, проверил память — ничего ли не забыл из написанного? Ухмыльнулся, в очередной раз убедившись, что голова работает, как магнитофон. И напоследок, окончательно заигравшись, порвал листок с вопросами на мелкие кусочки и спустил в унитаз... Так поступил бы каждый нормальный супермен!

ВОДИЛА

Первый раз на дачу меня везли: дороги я не знал. Причем прибыл за мной не эпический, сияющий лакированной броней 600-й Мерседес с "правильным" номером, а уркающий дизельный микроавтобусик с царапиной на рифленом боку — не то "Форд", не то "Мазда"...

До сих пор помню накатившую волну обиды, тут же сменившуюся холодной праведной злобой: "С дворней своей меня

ровняет! Развалюха эта ей на пикники харчи подвозит, не иначе... Ну, да ничего, сочтемся! Ты сейчас, сама даже того не подозревая, царский мне подарок сделала! Водилу! Как бы его сдержанности-бдительности твои гориллы не обучали, я-то в момент разговорю! И не захочет (а может, и не заметит!), как вспомнит застарелую обиду на хозяйку-стерву! (А в стервы я Тимошенко записал сразу, без колебаний. Образ ясный, телевизором, можно сказать, отполированный — миллионер-кровосос в сдержанном костюмчике, волк в овечьей шкуре, буржуйка и враг народа!) И потом, она для меня кто — персонаж? Персонаж. А в работе над персонажем должна быть полная эмоциональная четкость, иначе — одни проблемы. Так что вперед! Поехали! Крепче за баранку держись, шофер!.. Ты у нас молчун? Ничего, помолчим немного, ехать долго...

Минут через пять я уже и рад был бы попросить его замолкнуть, да неудобно было. Как только мы вынырнули из городских пробок на шоссе, парень заговорил. И как! Словно поклялся кому-то неведомому, что за неполный час я узнаю все о его жене, дочке, собаке, мебели, соседях по площадке, рыбалке, давнишней службе во флоте, о том, как надо и как не надо готовить борщ, о телесериалах (бразильских и не бразильских), футболе вообще и Лобановском, в частности...

"Может, это их так учат избегать разговоров на "скользкие темы", закурив и глядя в окно на мелькающие сосны, думал я.— Болтая без умолку о всякой всячине?"

И от безнадеги спросил в лоб:

— А что хозяйка? Не обижает?

Водила, на секунду оторвав глаза от дороги, посмотрел на меня с недоумением. И, поклясться готов — его не только мой вопрос идиотский удивил, а и отвратительная холуйская лексика, и такая же холуйская интонация. И не от со-

— А, это..,— *Тимошенко заулыбалась.*— Да, неплохо придумано. Когда Кучма решил уничтожить своего друга и конкурента Павла Ивановича, то даже не представлял, каким неожиданно полезным для него будет добротно сколоченное "официальное коррупционное пугало" Лазаренко. Сколько полезных функций сможет оно исполнять лично для Кучмы. Когда правящая верхушка хочет кого-то уничтожить, как политическую фигуру, телеканалы "сообщают" о его "связях с Лазаренко". Даже социалиста Мороза кучминские политтехнологи пытаются связать с Павлом Ивановичем. Что называется — полный бред... На самом-то деле с ним был связан — и очень тесно и давно — сам президент...

— *Почему же тогда "решил уничтожить"?*

— Это еще проще,— *похоже, я проходил политический ликбез.*— В какой-то момент Кучма и окружение поняли, что Лазаренко хочет и сможет сам стать президентом Украины... Смешно...

— *Было бы смешно, если бы не было так грустно...*

— Я о другом: смешно, что такой хитрый человек, как Лазаренко, не понял, что подписывает сам себе приговор: Леонид Кучма со товарищи могли простить ему все — окончательное разрушение экономики страны, продажу целых "кусков" Украины, это для них обычное повседневное дело, да что угодно!.. Но только не попытку, даже саму мысль о президентстве!.. Как говорится — покусился на святое!.. Ну, а "пристегнули" меня к его ловко слепленному имиджу вора и государственного преступника, чтобы попытаться уничтожить политически... У меня нет личных сбережений на валютных счетах, у меня нет и не было нечестного бизнеса. Меня не за что судить и обвинять. Поэтому можно только "прислонять", "пристегивать" искусственно к чужим грехам. И пытаться таким образом устранять из политики.

Пытаться? Да я не то, что думал — и не сомневался-то

с ним сотрудничать как с премьер-министром. Собственно говоря, и с ним, и до него, и после по этой теме сотрудничали все: премьер-министры, президенты и все частные корпорации, занимавшиеся борьбой с газовыми долгами. И все, кроме нашей корпорации — безуспешно.

Так вот, не хочу врать — хватка и энергия Лазаренко впечатляли. Мне и моим товарищам даже начало казаться, что он — мощный союзник в борьбе за процветающую Украину. Но иллюзии длились недолго. Очень скоро нам стало ясно, что его методы управления страной для нас неприемлемы. И наша команда в полном составе вышла из партии "Громада" задолго до крушения Лазаренко.

— Но Вы же имели с ним общий бизнес? Были партнерами? Вас даже в даче взятки ему обвиняют.

— Нет. Это все ложь. Я не стану оправдываться, а просто приведу протест Верховного Суда Украины на незаконные действия генеральной прокуратуры против меня. Этот протест подписан 12 апреля 2001 года лично Председателем Верховного Суда Виталием Бойко. Цитирую: "Сформулированное обвинение исключает квалификацию действий по части 2 статьи 170 Уголовного Кодекса Украины". Для сведения: статья 170 предусматривает ответственность за дачу или получение взятки, в данном случае речь идет о моей якобы коммерческой связи с Павлом Лазаренко.

Это факты. Окунуть политического конкурента в сфабрикованную грязь в нашей стране дело одной минуты. Сейчас я борюсь за свое честное имя в судах, начатых по моей инициативе, но об этом подконтрольным власти средствам массовой информации говорить запрещено.

Я окончательно перестал что-либо понимать.

— Пани Юля, средства массовой информации хором долго объясняли людям (и объяснили!), что Вы — правая рука Павла Лазаренко, его "подельница", наследница и вообще...

мнений каких-то внутренних он замолчал, а от неловкости за меня. Оттого и повисла длинная пауза — он не знал, что ответить, я — как поступить, чтобы не остаться полным идиотом в его глазах.

— Я имею в виду — как работается, и вообще...

—А, в этом плане!.. — ей-Богу, мне показалось, что он вздохнул с облегчением — просто неловко выразился писатель, с кем не бывает.— Работается нормалек... Правда, Юлия Владимировна ездит много! Где только колесить мне ни приходилось! Устаешь, конечно, бывало... Зато мест я повидал — не поверишь!..

Он снова заговорил — вдохновенно и радостно, этот крепенький говорун с пухлыми шоферскими пальцами. А я, изредка кивая — просто чтобы не обидеть его — уже не слушал, думая совсем о другом. О том, что так, как он, говорят свободные и дружелюбные рабочие люди, не купающиеся в роскоши, но и не знающие нужды. О том, что его "Юлия Владимировна" прозвучало, как наше институтское "Пал Палыч" о любимом декане (без страха, но и без панибратских ноток, которых и быть не может, когда искренне уважаешь человека, и есть за что).

О том, что не стал бы этот флотский парень (точно говорю — не стал бы, я людей чувствую) терпеть над собой никакого барства и издевательства. А значит, не повезло мне на этот раз, не получится начать портрет олигарха с праведной классовой нелюбви униженного трудящегося человека. Жаль, хорошо могло бы получиться!..

Машина, вильнув на привычном повороте, съехала с шоссе к ряду домов и домиков за дощатыми заборами. Взвизгнули тормоза.

— Приехали! — улыбнулся водила, даже не подозревая, как

он огорчил мое авторское воображение тем, что не оказался "угнетенным и порабощенным" персонажем. Дай Бог счастья этому хорошему человеку!

"КЛАЦ!"

Есть такой американский фильм — "Switch". Хороший фильм. Смешной и трогательный. О том, как грешный мужчина в наказание был превращен в женщину и что с ним потом происходило. Но я сейчас о другом говорю — о его названии. "Switch" с английского можно перевести как "переключение", "переключалка". Они, англичане-американцы, свет в комнате "свитчают". On — Off. Вкл — Выкл по-нашему. Раздается "клац" и свет или зажигается, или гаснет. И все вдруг сразу становится другим.

Я это не просто так рассказываю. Просто приближается тот самый момент в моей "охоте за олигархом", когда прозвучал "клац". Прозвучал, и превратил меня, беззаботного великовозрастного писаку, играющего в приключение, в совершенно другого человека.

ПО-ЧЕСТНОМУ

Только не спешите записать меня в нежные восприимчивые натуры. Это будет совсем уж нечестно. Я водил дружбу с бандитами и пил водку с олигархами. Я знаю, как воруют деньги и ничего не имею против, если от "прибыли" перепадает и мне. Я выпрашивал у генералов МВД важные и не заслуженные мной бумажки для отпугивания милиционеров и ГАИшников. Я умею не думать о том, что в этот момент кому-то холодно и голодно. Я люблю комфорт и деньги. Да и вообще... Можно продолжать и продолжать...

Нет, я, конечно, не преступник в прямом смысле этого слова

украинские ребята вместо того, чтобы защищать народ от преступников, дерутся со своими же братьями, защищая государственного преступника, в моем понимании — Кучму и его камарилью... Это тяжело и неправильно...

И повисла пауза. Мы оба молчали. И думали, я уверен, об одном и том же...

ЧТОБЫ БЫЛО ЧЕСТНО

Был еще один (кроме того, который о тюрьме) вопрос, с которым я медлил и тянул. Причем, сознательно. Потому что уже полюбил пани Юлю — я давно признался. И все же не мог я, в самом-то деле, не спросить ее о Павле Лазаренко — слишком уж тесно переплели их политические судьбы газеты и телеканалы. Прямо партия и Ленин — близнецы-братья! Я не считаю себя гением, но все же научило меня писательство чувствовать людей, и потому никак не связывались они у меня: беспощадно четкая и мужественная пани Юля и Лазаренко, человек с внешностью директора рынка и повадками диктатора... Ладно, чего тянуть?

— Пани Юля, а что с Лазаренко?

— В каком смысле?

— Вы же знакомы с Лазаренко?

— Конечно. Меня удивляет, как люди, которые работали с ним много лет, как одна команда: Леонид Кучма, Евгений Марчук, Иван Кириленко, Сергей Тигипко, Виктор Пинчук, Анатолий Кинах, Николай Азаров, Николай Швец и многие-многие другие, сейчас делают вид, что знать его не знали и никогда никакие вопросы с ним не решали. Смешно и грустно.

— А как складывались Ваши отношения?

— Когда я как руководитель корпорации ЕЭСУ решала на государственном уровне проблемы ликвидации долгов Украины перед Россией за природный газ, мы, конечно же, обязаны были

тогда, хорошо помню, распахнула окно и увидела многотысячное море людей с примирившимися между собой на это короткое время красными и желто-голубыми знаменами. Я увидела спокойные, но уверенные лица людей, одухотворенные справедливостью своего гражданского поступка. Они открыто шли сказать бесчестным людям в президентском дворце — "нет". "Нет" — мирное, но настойчивое! Я была в этот момент горда и счастлива за свою страну. Потому что убедилась окончательно: наши люди — не бессловесная масса, они — народ, у которого есть гордость, мужество и чувство справедливости! — *(это были самые эмоциональные слова, которые я услышал из уст пани Юли за все время. И тут же она снова заговорила на привычном уже, таком нетрибунном языке).*— Я бы очень хотела, чтобы у меня была возможность (того же 9-го марта) разумно организовать возмущенных людей, но выступления возникли стихийно, на волне гнева, и власти несколькими умело проведенными провокациями превратили их в беспорядки, которые потом долго показывали по телевизору, смакуя самые неприглядные детали...

— *Думаете, смогли бы предотвратить столкновения?*

— Во всяком случае, сделала бы все, чтобы этого не произошло.

Секунду я колебался — сказать или промолчать... Сказал.

— *Знаете, а ведь многие в тот день жалели не митингующих, а милиционеров. Я — тоже...*

Она удивленно вскинула брови:

— А как же иначе? Чтобы равнодушно смотреть на все, что происходило тогда, нужно не иметь сердца. Я помню пронзительный момент, вот его показывали не часто, когда демонстранты вставляли в щиты молодых солдат красные гвоздики, а те вместо того, чтобы их убрать, укрепляли покрепче. В этот момент мне показалось, что сейчас они все, и солдаты, и демонстранты, сольются в одну большую команду в борьбе за своих отцов, матерей, детей, любимых против геноцида. Но тут "вовремя" появились провокаторы и начали потасовку. Страшное зрелище... Ук-

ва. Да при таком количестве "грешков" и закон нарушать необязательно.

Просто я такой, какой я есть. Вернее, был таким, пока "клац" (наверное, свой "клац" есть в судьбе каждого человека) не сделал меня другим...

Это произойдет скоро, вот-вот... Но пока не произошло...

КОНЕЦ СУПЕРАГЕНТА

А пока этого не произошло, я, Джеймс Бонд, работающий на выгодный заказ, гроза олигархов и мастер слова, шагнул вслед за охранником во двор дачи. Взгляд цепко фиксировал все: небольшой одноэтажный дом, ровно выложенные по газонам плиточные тропки, застывший около дома "Мерседес" (Вот оно! Это вам не жужукающий дизель. Это — СИМВОЛ!), чистенький мангал с двумя скамеечками, аккуратные цветники вдоль бордюра...

Конечно, меня сразу же что-то смутило. И не что-то даже, а вполне конкретная деталь — по крайней мере десяток моих друзей (а они никакие не олигархи, так, средней руки бизнесмены, менеджеры крупных фирм, а то и просто госслужащие с зарплатой в пятьсот гривен) имеют загородные дома покруче: трехэтажные, "навороченные", с модной подсветкой газонов, саунами и фонтанами... Да и с такими же, если не новее, пузатыми "Мерсами"...

Просто не хотелось мне в ту минуту вспоминать об этом, разрушать образ "олигархического логова", который только-только начал складываться. Поэтому и отбросило мое игривое восприятие тот факт, что двор совсем небольшой, тесненький даже, и охранник — скорее сторож — впустил меня, поздоровался, да и остался себе у ворот. Зато отметил я злорадно и причудливую (явно по спецзаказу сделанную) водосточную трубу, и ой какую недешевую черепицу на крыше, и

красивый набалдашник на дубовой входной двери, и даже три или четыре мобильных телефона на темном, тоже мореного дуба, столе, из-за которого поднялась мне навстречу чуть бледная, приветливо улыбающаяся хозяйка.

— Я сегодня немного устала... Даже хотела извиниться и перенести встречу.

"Уй-уй!.. Тяжела и неказиста жизнь простого финансиста..."

— Вы не голодны?

— *Спасибо, нет...— "Интересно, а скажи я — да, голодный, что бы мне подали? Расстегайчики, бламанже и гусиный паштет с бутылочкой бордо? Или объедки "из людской"? Жаль, поспешил отказаться, теперь уже не узнаю..."*

— Тогда чай? Кофе?

— *Кофе, если можно. Крепкий, почти несладкий... Только попозже.*

— Хорошо. Давайте начнем вот здесь, за столом,— *уже знакомые хрупкие руки "олигарха" несколькими четкими движениями сложили разномастные бумаги в аккуратные стопки.*— Здесь удобно...

Я продуманно-профессиональным движением выложил из кейса блокнот и элегантный диктофончик "Сони".

"Олигарх" чуть потерла кончиками пальцев лоб, словно и вправду устала.

"Олигарх" улыбнулась.

— Я готова,— *сказала она.*

"Клац!" — сказал диктофончик. Это был тот самый "клац", но я, самодовольный и наивно-хитрый, понял это позже...

* * *

Писака-разоблачитель — это был я — услышал "клац", но в тот момент не придал ему значения. Так часто бывает в

выхода у него нет. А сейчас, слава Богу, выход есть. Скоро выборы. Парламентские. А там и президентские не за горами. Зачем же умирать за достойную жизнь, если за нее можно просто проголосовать?

И правда — зачем?..

— И еще одно хочу сказать,— *едва заметно улыбнулась пани Юля.*— Объединения мы назвали ФОРУМ национального спасения. ФОРУМ, а не ФРОНТ.

— *Так что, власти постарались "передернуть"?*

Тимошенко задумалась.

— С одной стороны, наверное, да, и они тоже. Например, чтобы таких как вы, не обижайтесь, отпугнуть... Но я думаю, что именно народ в своей молве переименовал слово "форум" в слово "фронт". Именно наш народ — самый мирный и терпеливый на свете...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОБЗАРЯ

— *Что же получается, пани Юля, это не Вы и Ваши соратники организовали беспорядки в Киеве 9-го марта?*

— Нет. 9-го марта я была в тюрьме... Я думаю, вообще никто ничего толком не организовывал, слишком стремительно возмущение людей "президентскими методами руководства" выплеснулось на улицы.

Я никогда не забуду другого дня — в декабре. Это было на следующий день после обнародования диктофонных записей разговоров президента в своем кабинете, где он, не стесняясь, обсуждал с окружением возможность уничтожения журналиста Гонгадзе, схемы дискредитации лидеров опозиции и независимых судей, варианты получения незаконных личных доходов и собственности, а также другие свои, мягко говоря, неблаговидные планы.

Я тогда работала в правительстве, окна моего кабинета выходили на улицу Грушевского, и меня отвлек от работы гул толпы. Я

— "Батьківщина" — это здорово, пани Юля. А ФНС-то Ваш, Фронт национального спасения? Хорошее место словом "фронт" не назовут. Экстремизмом попахивает, факельными шествиями... А ведь народ наш — мирный, к насилию отвращение чувствует. Нет, я, конечно, по себе сужу, но ведь и сам я — не норвежец и не узбек...

Она посмотрела на меня в упор и — странное дело, прочитал я мысли пани Юли, хоть телепатией и не страдаю.

"Ты-то не узбек, но судишь по себе, сытому, удачливому, семейными и прочими проблемами не замученному... А ведь Украина — это не Крещатик, где ты любишь посидеть теплым вечером за чашечкой кофе под деревьями с лампочками. Это — огромная страна, когда-то золотая, а теперь угрюмо-поруганная и почти потерявшая веру... Стонущая от нищеты — без денег, без тепла и света!.."

Конечно же, она, пани Юля, вслух этого не сказала. Мне и телепатического контакта хватило с головой, чтобы покраснеть и на стуле заерзать.

— Да, украинские люди прекрасны в своем мудром миролюбии..,— *произнесла она.*— Но, знаете, всякому терпению приходит конец. Недавно несколько молодых ребят, не с демонстрацией, нет, просто так, по улице гуляли в своем городке. И шла им навстречу пожилая женщина в оранжевом жилете — то ли уборщица улиц, то ли ремонтница. И была она седой и положительной, с добрыми глазами. Остановила ребят и знаете, что сказала? "Годи вжэ вам гуляты, хлопци, час автоматы браты..." Люди доведены до крайности, а ведь недаром говорится, что "самое страшное на свете — это гнев доброго человека"... Вот так.

— Значит, хотите, чтобы люди взялись за оружие?

— Нет. Наоборот — делаю все, чтобы этого не произошло. Доведенного до отчаянья человека не надо призывать к насилию — он пойдет на него сам, в сотый раз убедившись, что другого

жизни. Вернее, почти всегда Господь посылает нам сигналы, но вспоминаем мы о них позже, когда уже сами, без его добрых предупреждений все поняли...

А пока что "клац" подстегнул мое шпионское внимание, и оно бдительно зафиксировало в углу комнаты массивный журнальный столик, ручной работы дубовый шкаф... Атрибуты капитализма, одним словом. (Иконы в красном углу — не модно раритетные, не музейные, а добрые и привычные, нашему краю и нашей Вере угодные, я заметил намного позже, и стыдно мне до сих пор). Но это сейчас стыдно, а тогда я уже знал, с чего начать, чтобы казаться бесстрашным (осмелел, надо же!) и профессиональным. И начал...

О БЕДНОСТИ

—Пани Юля,— я обвел гостиную выразительным взглядом,— вот Вы хотите, чтобы люди Вам верили. А ведь сытый голодного не понимает...

— О чем Вы?

— Да о том. Я сам недавно делал ремонт, и отлично знаю, сколько она стоит, такая вот простота в швейцарском стиле... Скажите, а Вы вообще-то знали бедность? Хоть когда-нибудь? Пробовали ее на вкус?

ЕЕ ГЛАЗА ЦВЕТА СПЕЛОГО КАШТАНА ПОТЕМНЕЛИ ЕЩЕ БОЛЬШЕ, НО ГУБЫ ТУТ ЖЕ ДРОГНУЛИ В УЛЫБКЕ. ТАК ВСЕГДА ПОЛУЧАЕТСЯ У СИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ РАЗ И НАВСЕГДА ЗАПРЕТИЛИ СЕБЕ ВЫЗЫВАТЬ ЧЬЮ-ЛИБО ЖАЛОСТЬ, ВЫГЛЯДЕТЬ ЖЕРТВАМИ. Я ПРИКИПЕЛ ВЗГЛЯДОМ К ЕЕ БЛЕДНОМУ ЛИЦУ. Я ИСКАЛ ХОТЬ НОТКУ, ХОТЬ МОРЩИНКУ ФАЛЬШИ, НО НЕ НАШЕЛ. ОНА НЕ ВРАЛА...

— Если Вы побудете в этом доме, то увидите, насколько не-

притязательна моя жизнь... А бедность... Я не просто пробовала ее на вкус. Я родилась в бедной, даже, наверное, очень бедной семье. Меня растила мама, а работала она всего-то диспетчером на обычном АТП. Даже по советским временам, которые сейчас многие вспоминают почему-то как сытые, она получала так мало, что старалась набрать столько суточных смен, сколько объективно мог выдержать ее обычный человеческий организм...

Меня, конечно, резануло по ушам это сухое "объективно" в горьком и явно искреннем воспоминании о выбивающейся из сил маме... Я тогда не понял еще, что вот так она, Юлия Тимошенко, говорит обо всем: и о горе, и о счастье, и о борьбе. Сухо, четко, словно больше всего боясь использовать силу живого эмоционального слова, считая это запрещенным приемом.

— Все было еще сложнее оттого, что у моей мамы были пожилые родители и сестра, у сестры была семья, они тоже очень нуждались, и почему-то так сложилось, что именно мама отвечала за всех и обо всех заботилась. Но, Вы знаете, детство не запомнилось бедняцким серым пятном. Наверное, потому, что мама постоянно пыталась устроить хоть какой-нибудь, хоть маленький, но праздник для всех нас. У нее я, наверное, и научилась тому же — создавать в доме атмосферу любви и уютной теплоты, как бы тяжело ни было...И все же память безжалостна: я почему-то отчетливо запомнила (наверное, подросла к тому времени), как нам не из чего было сделать занавески на окна, а без них было ужасно неуютно и, казалось, даже холодно в комнате. И мама собирала разные тряпочки и аккуратно их сшивала...

Я все еще был злым и безжалостным, тогда и возник у меня в голове образ затравленного волчонка, который, сидя в бедняцком углу и сжав губы, думал: "Ничего, погодите, придет время — я вам всем покажу, всех куплю и продам!" Мстительная бедность может породить настоящего монстра... Я так и сказал.

успешно подводит "демократ" Леонид Кучма... Если помните, я раньше говорила о роли "команды", необходимой любому, даже самому честному и грамотному руководителю. А что касается "Батьківщині", то это — особая партия.

— ??

— Сейчас люди воспринимают политические партии, как фирмы, как коммерческие компании, в которые они приходят, словно на службу, выполнить заказанную работу и получить высокую зарплату. Ну, а если повезет, то и подняться по служебной лестнице — к большим деньгам, дачам, прочим радостям...

— А в "Батьківщине" не так?

— Если в обласканные властью партии люди приходят ради приобретения чего-то, то в "Батьківщину" скорее теряя все, вопреки шансу "ухватить", выслужиться, часто рискуя благополучием своих семей... Но ведь приходят и приходят!

— А как бы вы сказали, почему?

— Люди начинают понимать, что нужно побороться за свою страну и свой народ. Да и за самих себя — в рухнувшей стране нельзя быть благополучным человеком. Как нельзя построить крепкий дом на гнилом фундаменте...

Я загрустил от этих слов. Я-то, дурак великовозрастный, все играю в удачу, радуясь своему относительному благополучию. Да и не один я такой...

ДВА СЛОВА НА БУКВУ "Ф"

С "Батьківщиной" мне, в общем-то, и так все понятно было. Не придут люди работать к опальной и оклеветанной Тимошенко в поисках легкого заработка и казенных дач... Да и название само у этой партии теплое и сильное. Правильное для страны, судьба которой решается. У меня с другим "образованием", с пониманием и принятием его, глубокие проблемы были.

шесть тоже! Лидер! Скажите еще — фюрер!.. Хватит с нас "отцов наций и народов"! Нахлебались!..

Но совсем недавно — еще до знакомства с пани Юлей — как-то вдруг осознал я с удивлением, что ведь губит нас как раз замаскированная под самую что ни на есть демократию (то есть, власть народа) система. Что очень уж ловко приспособили ее под свои интересы люди бездушные и жестокие. Урки в галстуках. И спасти Украину (я тогда даже немного ужаснулся такой с виду "недемократичной" мысли) может сейчас только лидер — отважный, компетентный, не боящийся принимать решения и смотреть народу в глаза. Был же у турков Ататюрк, у американцев — Рузвельт, у поляков — Валенса... Да и Жанна Д'Арк у французов была — хоть и средневековый пример, а красивый и честный... И спасали они свои страны, было дело...

— Самые разные страны переживали самые разные периоды в своей истории,— *словно прочла мои мысли пани Юля.*— Но всегда в конце концов появлялась сила во главе с лидером, которая брала на себя власть и ответственность и выводила эти страны из кризиса.

"Хорошо бы в Украине это случилось сейчас, а не лет через сто,— мелькнуло в голове.— Своими глазами увидеть хочется..."

А БАТЬКІВЩИНА — ОДНА

И все же закон жанра требовал очередного каверзного вопроса.

— Удивитесь, но я с Вами согласен, пани Юля. А как же быть с "Батьківщиной", Вашей партией. Вы же от нее не отмежевываетесь, не выступаете как лидер-одиночка?

— Говоря о необходимости лидера, я не имела в виду авторитарность и культ президента — к подобной ситуации нас как раз

— Не появился монстр. Потому что и волчонка не было. Сейчас я понимаю, как непросто маме было научить меня не ненавидеть мир за ту бедность и неустроенность, которую он нам выделил. Разве что семейной дружбе и преданности научили меня те годы. Вообще, любовь к родным людям помогает пережить любые лишения. Спасибо маме, я навсегда поняла это, и, когда вышла замуж, нас с мужем тоже выручала именно любовь.

При упоминании о муже я поднапрягся — услужливая память прокрутила в мозгу его облик из уголовной хроники теленовостей — худой, мутно-шальные, как у Богуна из польского фильма, глаза, сидит в клетке, как Емелька Пугачев... Интересно, где он сейчас — может, с топором в руках подслушивает под дверью? От этого предположения стало как-то невесело...

СТАКАН ТОМАТНОГО СОКА

— Дело в том, что замуж я вышла очень рано, в 18 лет, как только закон позволил. И так получилось, что семья мужа была ничуть не богаче, чем наша с мамой. Так что о нашей с Сашей семье, студенческой, да еще с ребенком, и говорить не приходится. Запомнился такой случай — особенно ярко он Саше запомнился, мужчины такие вещи переживают болезненно, у него до сих пор, не смейтесь, слезятся глаза, когда говорит об этом. Однажды он забрал дочку из детского садика и по дороге они зашли в гастроном за хлебом. А в соседнем отделе продавался томатный сок: его наливали в стаканы из красивого старомодного стеклянного тубуса, открывая маленький краник внизу. Моя Женяша, завороженно глядя на уверенные движения продавщицы, вдруг попросила у папы купить ей томатного сока. И стоил стакан всего десять копеек, но их, этих копеек, у него после покупки хлеба не осталось... И он, взяв дочку за ладошку, вывел ее, готовую заплакать, из гастронома...

Вот над этим я не засмеюсь никогда — сам мужчина, и понимаю ох как хорошо, ЧТО чувствует папа, который не смог купить своей малышке заветный стакан сока за 10 копеек, чтобы потом положить в него жестяной общепитовской ложечкой щепотку соли и аппетитно размешать... Сам я в детстве не раз дергал папу за руку возле тубусов с соком (да и все малыши того периода, наверное!), но только мне сок всегда доставался, хоть и не роскошествовала моя семья, жила, как тысячи других.

А сегодняшним молодым папам стократ трудней: ломятся витрины от всяких там Барби и трансформеров, и телевизор со своей шумной рекламой не дает забыть о них, и тянутся маленькие ручки самого близкого существа к заветной витрине, да только стоит эта Барби ползарплаты... И сжимается бессильной болью отцовское сердце. А ведь другие ("Кто они, эти люди?") выходят из магазина не то, что с Барби — на самой что ни на есть настоящей машине, сказочно урчащем маленьком джипе вывозят сына или дочурку... То, что творится в душах отцов, уносящих, скрепя сердце, своих плачущих малышей от недоступной роскоши витрин, поймет только тот, у кого самого есть душа. И еще, Александр Тимошенко, который когда-то не смог купить любимой дочурке-лапочке стакан томатного сока за 10 копеек. И еще, его жена Юлия, которая видит, как влажнеют глаза сильного, выдержавшего и лишения, и тюрьму, мужа при воспоминании об отцовском бессилии, на которое — кто в большей степени, кто в меньшей — обречены сегодня тысячи наших людей...

ЖИТЬ КРАСИВО

— Значит, Вы знаете бедность изнутри, так сказать?

— Да. К сожалению. Так — когда чуть лучше, когда чуть хуже — я жила почти до тридцати лет. А это не просто какое-то время,

тельно думаете, что все эти "новые генерации", "зеленые", женские партии и прочие возникли сами по себе, из ниоткуда?..

— Я спросил о лидерстве..,— напомнил я.

— Да, я помню. И говорила все это лишь для того, чтобы предостеречь людей — вас обманывают, призывая голосовать за "свежеиспеченные" партии. Их нет, этих партий, они — выдумка кучминых платных "технологов", их задача — создать иллюзию очень демократичной многопартийности и отвлечь внимание обессиленных невзгодами людей от реальной политической борьбы... Или вы думаете, что полностью подчиненные Суркису и Медведчуку телеканалы "Интер", "1+1" будут так щедро, каждый день и помногу, давать слово в эфире политическим соперникам? Да эти экзотические партии зеленых, фруктовых, женских инициатив раскручивают так — ни один "Памперс" не сравнится.

— А как же не попасться на эту удочку?

— Да очень просто. Партия является политической силой, если это команда людей, следующих за определенным лидером. А у нас за множеством партий с вполне красивыми названиями скрывается как раз наш многоликий гарант Леонид Кучма и такие его приспешники как Суркис, Медведчук, Азаров, Пинчук... Посмотрите на лица этих людей. Послушайте, что и как они говорят? Вам не страшно за страну, которая окажется в их полной власти?.. Кроме того, при системе приоритетов партий (а тем более — блоков) легко уходить от личной ответственности за то, что происходит в государстве. Украина должна знать персонально, в лицо того человека, кто взял на себя власть и высокие обязательства перед государством и каждым гражданином. Украина должна знать в лицо человека, отвечающего за все, происходящее в стране. Она должна иметь лидера. Поэтому нужно выбирать не разрекламированные партии, а лидера.

Ох, как бы взвился я, застольный вольнодумец и стихийный демократ, при этих словах десять лет назад! Да и пять-

стяще сыгранный в фильме Вячеславом Тихоновым, всенародно любимым нашим Штирлицом. Умный этот человек тоже явно приблизился к власть предержащим, чтобы "драконовские" методы смягчать и о народе заботиться. Но годы с тех пор прошли, и вот уже запуганно пытается некогда красивый и статный пожилой государственный служащий убедить (не окружающих, нет, самого себя в первую очередь), что не так уж все плохо при власти дракона, что "есть и хорошее", что в стране — стабильность... И очень не хочется признавать ему, что впустую прожита его жизнь, потому как опирается эта относительная стабильность на драконовскую диктатуру и всеобщую покорную нищету...

— К сожалению, в сегодняшней Украине нерешительность — черта, губительная для лидера,— *заключила пани Юля.*

В самой Тимошенко нерешительности нет. Честное слово. Но есть, мне показалось, большая досада, что Виктор Ющенко и она — не вместе. И еще — тревога за него звучала так ясно и искренне...

ЛИДЕР

— *Вот вы все время говорите — лидер, лидеры... По-вашему, сейчас Украине важнее привести к власти не нужную партию или блок, а личность?*

— Именно так. Людей пытаются окончательно запутать созданием десятков объединений, блоков, новорожденных партий и течений. Те, кто грабил страну десять лет, рассчитали правильно — сбитый с толку, уставший от множества своих повседневных проблем человек обязательно запутается в этой мешанине партий (в ней и сами политики порой путаются). Но цель-то все равно остается неизменной — оставить реальную власть в руках "семей" — того же Кучмы и его окружения. Вы что, действи-

это ощутимая и значительная часть жизни. Правда, мы, наученные уроками моей мамы, старались не унывать, как могли, устраивали друг другу праздники...

Я снова поверил ей. Мои сельские родственники — их поселок, как призраками, окружен неработающими и полуразворованными сахарными заводами, построенными еще Терещенко — живут так бедно, что впору наложить на себя руки. Но не делают они этого. Надрываются на огородах, сидят на картошке с луком, устраивают дни рождения с винегретом и домашним перваком, перешивают свадебные платья дочкам на выпускной... И что меня поразило больше всего — среди многолетнего безденежья и каторжного труда находят силы и желание сажать вокруг своих полуразрушенных хат (иногда чуть ли не мазанок) яркие цветы. Мальвы, чорнобривцы, астры... Чтобы было красиво. Чтобы было, как у людей. Есть, очевидно, в украинской душе такая особая спасительная струнка — хвататься за красоту, чтобы не сойти с ума. Лишь бы не порвали ее, струнку эту, и так уже натянута до предела...

— Я была очень хорошей хозяйкой — просто другого выхода не было. Все время что-то вязала, шила, перешивала...Сейчас трудно поверить, правда?

— *Правда,— не стал притворяться я.*

"ЛЕГКИЕ ЗАРАБОТКИ"

— А, кроме того, мы оба — и я, и муж, старались подработать, где только можно было. Он постоянно где-то что-то разгружал, работал в горячих цехах... Сейчас я вспоминаю, что многие знакомые смотрели на нас, как на семью очень благополучную. Если бы они только знали, как мы старались, чтобы так оно и было!.. Муж — как сейчас помню именно этот случай — как-то раз три ночи кряду разгружал горячий каучук на шинном заводе,

приходил чуть живой, кровь шла носом, а в итоге выяснилось (после "профессиональных" подсчетов и уточнения тарифов), что заработал он за эти самые три ночи 50 копеек!..

Верю. Хоть и не бедствовал студентом, да и семьи молодой не имел, а как-то ходил с друзьями на Киев-товарный с желанием обогатиться. Хорошо помню два с половиной рубля, полученные из щедрых рук мордастого начальника смены за разгрузку вагона (!!!) металлических выварок. Два пятьдесят давно исчезли, а они, эти выварки, мне еще долго снились...

—Я тоже попала в "десятку",— *пани рассмеялась (искренне, но с едва заметной застарелой горчинкой, которая со временем никуда не девается у многопереживших людей, я не раз замечал),*— женщине в то время приработок было найти вообще невозможно, но мне "повезло" — пристроили меня на работенку, которая называется "транспортировка крупногабаритных шин". В жизни это выглядит так — по огромной металлической горе, сдвинутые сверху здоровенным дядькой, одна за другой слетали огромные шины — каждая раза в два больше меня. Я должна была ловить эти жуткие штуки, выстраивать их по пять в ряд и откатывать к вагону... Работа была в четыре смены, и я часто менялась именно на ночные, чтобы иметь возможность учиться в университете.

Пани прыснула со смеху. И вспомнил я великую Лесю Украинку. К месту вспомнил ее: "Я сміялась, щоб не плакати...", потому что именно это делал сидящий передо мной "олигарх в юбке" — искренняя и много повидавшая за свою, недолгую еще жизнь, хрупкая молодая женщина. И я, настроенный на фальшь и ложь, как локатор ПВО на вражеские самолеты, ничего такого не уловил. Потому что не было их в помине за этим столом, в этом доме. Ни фальши, ни лжи не было...

— Первое время меня жутко ругали... Дело в том, что, если

совершенно незаконные интересы, когда наконец дорвется до всей полноты власти...

Но, как бы ни была организованна, жестока и всепроникающа эта повязанная общим интересом коррупционная среда, настоящие реформы в топливно-энергетическом комплексе состоялись. Везде, кроме угольной отрасли. Меня уволили именно в тот день, когда удалось провести через наше правительство программу реформирования угольной отрасли. И в этот момент все, кто защищал меня и мои реформы, убрали руки за спину и снова поплыли по течению соглашательства и компромисса...

Виктор Андреевич Ющенко — честный человек и, мне кажется, любит Родину. Но просто в силу своего неконфликтного характера старается избежать столкновений с олигархической властью и наивно надеется победить на выборах в их команде, окруженный ими, и оттуда, из гущи стаи, сеять "разумное, доброе вечное"...

Я, кажется, сказала — наивно. Это не так. Скорее — трагично. ПОРЯДОЧНЫЙ И ПОДАТЛИВО-МЯГКИЙ ПОЛИТИК В ПЛОТНОМ ОКРУЖЕНИИ ХИЩНЫХ И СПОСОБНЫХ НА ВСЕ ЦИНИКОВ — ЭТО ТРАГЕДИЯ. И для народа, который связывает с именем Ющенко свои надежды, и, прежде всего — для самого Виктора Андреевича. Мягкий политик (даже если замешана эта мягкость на внутренней культуре и интеллигентности) — легкая добыча для нынешней власти, которая окрепла в преступлениях, в которой все по-бандитски повязаны. Они его попросту зацелуют и задушат в "дружеских" отцовских объятиях. Как политика и личность — прежде всего... Этого нельзя допустить. И поэтому я хотела, чтобы мы шли на выборы вместе одной командой. Но, по-видимому, президент ему это запретил.

И тут вспомнился мне персонаж "Дракона" Шварца — милый , умный и интеллигентный до крайности архивариус, бле-

вительстве очень специфическим направлением — топливно-энергетическим комплексом, где обращается половина всех теневых финансов страны, где хлебали из корыта все кланы, вскормленные на груди президента. Мне удалось "очистить" от этих жаждущих сферу реализации электроэнергии, нефти и природного газа, это дополнительно принесло в государственный бюджет более 10 миллиардов гривень, за счет которых и были выплачены заработные платы учителям, врачам, всем бюджетникам, пенсии, льготы и субсидии по платежам за электроэнергию, газ, тепло, воду.

Еще около 5,5 миллиардов гривень, отобранных у "футбольных" кланов, было направлено на нормальное производство электрической энергии, оплату за труд шахтерам, энергетикам, атомщикам. Я просто сделала то, что давно пора было сделать, то, что обещали до хрипа, били себя в грудь чиновники, начиная с президента, со всех высоких трибун Украины. А на самом деле, "борьба с коррупцией и теневыми деньгами" так, как она велась до нашего правительства, это плохой театр и большая ложь, игра в наперстки на высшем политическом уровне. О том, что никто никогда даже не планировал с этими вещами бороться, мне стало очевидно с первых минут работы в правительстве. Пропадали подготовленные документы, не являлись на совещание министры, на единственном известном ему матерном языке кричал на меня президент.

Удивил секретарь Совета национальной безопасности и обороны Евгений Марчук, который, потеряв элементарное приличие, со всем арсеналом КГБ-шных "примочек" вышел в бой против меня на защиту "старых криминальных" порядков. Хорошо запомнился мне бывший задорный комсомолец министр экономики Сергей Тигипко, который профессиональнее всех саботировал мою работу, труднее всего было преодолеть его псевдоученые аргументы. Я еще тогда подумала, насколько сильнее, циничнее, наглее эта "новая генерация" начнет защищать от общества свои

запаздываешь на приеме этих резиновых гигантов — а я, конечно, запаздывала, просто сил не хватало — то образуются жуткие завалы. Из этих завалов меня постоянно и с трудом вынимали всю первую неделю, и в результате оказалось, что я... должна доплатить за задержку технологического процесса и вынужденные простои...

Она снова рассмеялась, а я, вдруг разозлившись на себя самого за то, что вместо того, чтобы планомерно "раскалывать" и выводить на чистую воду злобную "мафиозную принцессу", сижу тут, распустив сопли, полный сочувствия и симпатии к этой "волчице"... И заставил себя снова стать злым и хитрым.

НЕ ВЕРЮ В СКАЗКУ О ЗОЛУШКЕ

— Юлия Владимировна, с трудностями молодых лет все ясно. Да вот только теперь Вы своей дочке можете купить не только стакан сока, но и заводик по его производству... Разве не так? Где же та черта, за которой бедная, катающая тракторные колеса девочка превратилась в могущественного финансиста и миллионера. Только не рассказывайте мне сказку о Золушке, я ее в детстве отлюбил...

— Просто пришел день, когда в нашей стране разрешили официально заниматься бизнесом. Наверное, помните тот период — вышел закон, по которому приходишь, регистрируешься — и ты уже бизнесмен. А если мне что-то и подарили мои советские бедность и зависимость, так это желание быть свободной и самостоятельно влиять на свою жизнь... Я не колебалась ни минуты. А вот семью — родителей в особенности — пришлось убеждать долго и упорно. Они, воспитанные той системой, твердили мне, что это ужас и сумасшествие, что нужно изо всех сил (как бы ни ограничивали, как бы мало ни платили) держаться за "заводскую трубу" — я тогда работала на военном заводе в Днепропетровс-

ке. Я их не обвиняю — разве могли они, дети Советской эпохи, сразу понять, что за заводским забором может существовать какая-то качественно другая жизнь?

Вопрос у меня возник немедленно. И вопрос не пустой. Слишком хорошо и давно знаю я многих людей, каким-то загадочным образом не растерявшихся в те страшные годы, когда на прилавках магазинов вдруг остались только морская капуста и уксус, когда сигареты можно было достать только у цыганок на Крещатике, а бюджетная зарплата превратилась в кучку купонов, за которую нельзя было купить двух тощих куриц... Именно в эти серо-безнадежные дни зародился первый крупный капитал, и очень сноровисто и умело сколотили его совершенно определенные люди. Причем так легко, словно всю жизнь только ждали своего шанса...

— Знаете, а ведь в молодом бизнесе не растерялись в основном бывшие партийные и комсомольские деятели. Под всеобщую панику так умело стали они миллионерами, что даже поразительно. Сейчас чуть ли не все они в парламенте. Остальные финансируют их по старой дружбе и общему интересу. Правда, я для себя давно объяснил это: именно они, наши идеологические вожди всех уровней, знали правду, отличную от тех слов, которые сами же произносили с трибун, именно они привыкли трезво оценивать ситуацию, а главное, обладали контактами по всей стране и к тому же прошли жесткую закалку системой. Но вы-то...

— Я не была членом КПСС и не была "задорным" комсомольским активистом. В 1990 году, если мне не изменяет память, у друзей родителей мужа (причем тайком от самих родителей, они бы нам не простили такой "авантюры") мы одолжили 5 тысяч рублей — еще старых, советских. Как сейчас помню... И для начала занялись экзотическим в то время видеопрокатом. Затем приобрели брокерское место на Российской товарно-сырьевой

вивший меня на поздней, почти ночной, одесской трассе на самом подъезде к Киеву. После традиционных препирательств и такого же традиционного червонца без всяких квитанций (справедливости ради скажу, что ехал и вправду слишком быстро) потер он взмокший лоб и выдохнул:

— Та якбы ж мэни платылы по-людськи, хиба б я оцэ тут из тобою торгувався!..

Я НЕ ЧИТАЮ ГАЗЕТ

Это правда. Я читаю один "толстый" глянцевый журнал (по-своему, уникальный, в нем, кроме рекламы, изредка попадаются интересные рассказы о жизни людей), и вырезки из газет, касающихся меня лично или кого-то из друзей или врагов. Газеты меня отучило читать советское время — только полный дебил, мне кажется, мог любить "Известия", в которых не было известий и "Правду", где не было ни слова правды. Но это к моему нынешнему делу не относится...

Эту статью я все-таки прочитал. Слишком уж ярко рассказали о ней телевизионные новости всех каналов. Статья касалась открытого письма пани Юли Виктору Ющенко о создании единой политической команды на парламентские выборы.

И правильное, справедливое письмо, да только почему-то невесело мне было читать его. Во-первых, нравится мне Виктор Ющенко, чего врать-то? Он всем нравится, есть в нем обаяние, порой необъяснимое.

И я так прямо и сказал пани Юле — мол, жаль мне, что не вместе они, не выступают за возрождение страны плечом к плечу.

— Все, что я могла сделать для объединения, я сделала,— *горько усмехнулась пани,*— но политическая жизнь развела нас в принципиально разные политические миры. Я руководила в Пра-

— Все очень просто и очевидно,— *продолжала Тимошенко.*— В большинстве случаев нечестными людей на маленьких и средних чиновничьих постах делает устройство жизни. Сегодняшняя жизнь довела их до нищеты. Для того, чтобы выжить, они идут на все. Те, кто работает с медным кабелем — ворует и продает медный кабель, чиновник, соответственно, торгует своей — пусть самой незначительной — властью. Но не нужно всех поголовно считать законченными подонками. Эта проблема решается чисто экономически.

— То есть? — честно говоря, я думал, что ослышался.

— Это всего лишь вопрос наполнения средствами государственного бюджета. Вы что, думаете, что в Германии или, скажем, Голландии государственные чиновники не берут взяток потому, что все, как один — святые от рождения? Нет. Просто государство платит им достойную зарплату за честную службу и неотвратимо наказывает за злоупотребления. А Украина сегодня усилиями власти не просто бедная — нищая страна. При разумном и честном построении экономики доходы бюджета достигнут цивилизованного уровня, гарантирующего бюджетникам — в том числе и чиновникам — достойный европейский уровень жизни.

— Все равно воровать будут..,— искренне вздохнул я.

— Не будут,— *пани Юля говорила спокойно, но с какой-то абсолютной уверенностью.*— Не так-то легко и не от хорошей жизни человек идет на подлость или преступление. И почти каждый предпочтет жить честно, не нарушая закона и не рискуя столкнуться с судом и справедливым наказанием, если его труд соответственно оплачен. Просто, живя в нищете, эти люди вынуждены были спрятать понятия "достоинство и честь" в дальние кладовые своего сознания... И это тоже — на совести нынешних высших руководителей страны.

Я уже думал, как возразить, но вдруг вспомнился мне немолодой уже, полный и лысеющий ГАИшник, как-то остано-

бирже, где сосредоточивалась торговая жизнь всего постсоветского пространства. Именно там, как на ладони, стали видны все экономические проблемы Украины, в том числе, энергетические, и пути их решения. И мы начали восстанавливать традиционные рынки сбыта украинских товаров на территории России. А через пять лет, ценой невероятных усилий (нужно ли рассказывать о них сейчас?) корпорация, которую я к тому времени возглавляла, да, по сути, которую я сама создала, имела годовой оборот десять миллиардов долларов. Тогда это было крупнейшее предприятие не то что в Украине, во всем СНГ не было ничего подобного. И Украина благодаря нашей работе не имела долгов перед Россией за природный газ, а в начале 97-ого года даже вышла на возможность предоплаты.

"А ведь она не то что не скрывает этого! — потрясенно подумал я,— она гордится, как гордится каждый нормальный человек результатами своего труда, художник — удачно написанной картиной, строитель — построенным домом..." Но неужели она — политик! — не понимает, что сама сумма эта циклопическая не вызовет у нашего измученного народа ничего, кроме ненависти! Что же она говорит мне, нанятому "охотнику за ее скальпом", такие вещи, да еще открыто! Да еще с гордостью! Хитрее же надо быть, Юлия Владимировна, неужели не понятно!..

Я поднял глаза. "Олигарх" Тимошенко спокойно смотрела на меня, замолчавшего.

Поражен ли я был услышанным? Не знаю. Может быть, только самой цифрой — не приучен мыслить миллиардными суммами. А что касается успеха... Сколько человек начинало играть в футбол одновременно с Шевченко? и что,— все они играют за западные суперклубы? Сколько человек боксировали в одной секции с Кличко, сидели на партах рядом с Патоном? Да, и вообще,— мне ли об этом говорить? Огромное ко-

личество некогда молодых людей — сверстников моих, мечтали о литературном успехе, и, теперь считают меня выскочкой и конъюнктурщиком, упорно стараясь не замечать любви миллионов людей к тому, что я делаю...

Человек не обязан быть чемпионом. Победил ли он, или остался одним из простых наших пятидесяти миллионов, в любом случае заслуживает он жизни зажиточной и культурной, человеческой жизни заслуживает. А зачастую не имеет. Оттого и зреет в нем ненависть к людям более успешным — и неважно, что проявили больше, чем он: таланта, энергии, усилий... Бедность (а уж тем более нищета) не прощает успеха, да еще того, который выражается не в забитом голе или написании модной книжки, а в заработанных деньгах. Он не верит в честные миллиарды. И не удивительно. Почему мы вообще ждем справедливости от людей, с которыми само общество обошлось несправедливо и жестоко?..

ЧТО СКАЗАТЬ МАМЕ?

— Юлия Владимировна..,— я на минуту замер, вдруг почувствовав в себе неизвестно откуда взявшееся желание сказать : "Не говори даже таких слов, ты же, вроде, умница, ведь не простят, не то, что не выберут в парламент — проклянут тебя с твоими десятью миллиардами! Нашла время в правду играть!.." Но сказал совсем другое,— Юлия Владимировна, я понимаю, что человек может быть талантлив в бизнесе, как и во всем остальном. Но я ведь собираюсь писать об этом (скрытая предосторожность была в моих словах, очень я почему-то захотел, чтобы уловила ее моя собеседница, это уже работал "клац")... И я живу среди людей. И знаю, что для большинства из них 10 тысяч долларов — деньги, которые нельзя заработать честным трудом. А вы — 10 миллиардов... Зачем далеко ходить. Моя вот мама — мудрая жен-

— Значит, все-таки тирания?

— Нет. Наведение порядка в интересах миллионов людей. Жестко? Порой — да. Но законно и открыто. Люди перестают верить в справедливую силу государства, потому что оно забыло о них. Это — совершенно ненормальная ситуация. И выровнять ее сможет только решительный жесткий политик, которого поддержит народ.

ТАК ПРОСТО

— Ну, хорошо, придете Вы со своей командой к власти, пани Юля, и начнете мощно воплощать в жизнь программу возрождения родной нашей Украины... Почему бы и нет — власть Ваша, что и как нужно делать Вы давно знаете, олигархический режим сокрушен...

Пани Юля терпеливо и с любопытством смотрела на меня. Такой у нас незлобно-провокативный (с моей стороны, конечно) выработался под конец стиль общения.

— И вот тут-то все и закончится!..

— Почему?

— Да потому, что перед Народным этим Трибуналом предстанет (если предстанет) верхушка аппаратно-олигархической системы, а бесчисленные чиновники и чиновнички?!! Да от их взяточничества и воровства вся Украина стонет — в миллионниках, ПГТ и самых захудалых селах! А уволите их — кем замените? Будете выдвиженцев готовить, как большевики в 19-м году?

Очень мне было интересно озадачить пани Юлю, потому что действительно не представлял я себе, что можно современного нашего начальничка-госслужащего, ненужного и противного (в моем, конечно, наивном представлении), как таракан, отучить от взяток и самоуправства. Киев-то далеко... А репрессий типа сталинских, которые дисциплину на страхе держат, пани не обещает...

когда прослушивал я записи нашего позднего разговора, возникла у меня на этот счет догадка (не знаю, верная ли).

Думаю, не может украинская женщина — даже если она политик, прошедший борьбу и испытания — с холодным сердцем говорить жестокие вещи. Пусть даже справедливые. Пусть даже очевидные. Вот и помедлила пани Юля прежде, чем сказать:

— Я лично никого не могу и не собираюсь судить. Тем более — сводить счеты при помощи суда, как это вовсю практикуется сейчас. Но..,— *голос ее чуть окреп,*— те, кто виновен в сознательном, преступном уничтожении государства, кто долгие годы безнаказанно совершал чудовищные уголовные преступления, которые привели к разрухе и обнищанию людей, не могут не предстать перед судом. Он должен быть предельно открытым, гласным и справедливым. Я бы сказала — это должен быть своего рода Народный Трибунал...

Хотите — верьте, хотите — нет, но я СЛЫШАЛ в ее голосе досаду и жалость. Очень по-разному произносит Юлия Тимошенко слова "создавать" и "судить"...

СИЛЬНАЯ РУКА

Сложно мне было до конца прочувствовать интонацию пани Юли — разные чувства в ней были перемешаны. А правду хотелось выяснить.

— *Скажите, вот Вы, по-моему, о жестких мерах без удовольствия говорите... Значит, если победите, будете либералкой? Или наведете порядок "железной рукой"?*

— Человек, который примет на себя сегодня ответственность за судьбу Украины, не сможет позволить себе слабости — слишком много вокруг произвола, воровства и насилия,— *спокойно и твердо ответила Тимошенко.*— Люди больше не могут и не хотят с этим мириться, и они правы.

щина, да и не самая обездоленная (помогаю, как могу), прочитав это, скажет о Вас, спорить могу на что угодно: "Воровка твоя Тимошенко. Как и все они. Потому что нельзя за пять лет превратить пять тысяч в десять миллиардов, не воруя народные деньги. Это она и такие, как она, растащили, разворовали все, что мы создавали поколение за поколением, ограбили стариков и бюджетников!" И, кроме мамы моей, скажет так добрый десяток миллионов человек, можете мне поверить...

Я ожидал, что вот именно сейчас каштановые глаза станут колючими, но они, наоборот, стали терпеливо-преподавательскими (я помню похожие еще с института, у самых наших любимых учителей становились они такими, когда они терпеливо втолковывали что-то непонятное, нам глупым).

— Ну, во-первых, нужно различать понятия торговый оборот и прибыль. Десять миллиардов — это именно оборот, а не прибыль. Оборот, который говорит о масштабах и полезности для общества этой деятельности. Если бы эта деятельность была не полезной обществу, она никогда бы не достигла таких масштабов. Именно эта деятельность в 95-х, 96-х годах возродила трубную отрасль страны, постепенно начало оживать машиностроение, производство строительных материалов.

Во-вторых, при таких внушительных товарооборотах норма прибыли минимальна. А в случае с реализацией газа на рынке Украины прибыли вообще тонут в неплатежах со стороны потребителей.

И те, кто "лепит" сегодня из меня образ врага, прекрасно это понимают. Они твердо знают, что в период тотального поиска иностранными спецслужбами счетов украинских и российских бизнесменов и чиновников, именные валютные счета были найдены почти у всех высших должностных лиц и крупных бизнесменов Украины и России. КРОМЕ МЕНЯ. Точнее, счета в свое время

были открыты, но на них НЕ ПЕРЕЧИСЛЕНО НИ КОПЕЙКИ. Потому что передо мной ежедневно стоял вопрос: либо рассчитываться за газ с Россией, либо откладывать деньги на личные счета. До личных счетов так дело и не дошло. А машины, самолеты — все это собственность предприятия, необходимая для экстренного выполнения работы, а не моя. И это прекрасно известно тем, кто сегодня устроил против меня политическую травлю. А в принципе, есть категория людей, которая любой бизнес, начиная от торговли пирожками, считает преступлением и грабежом трудящихся...

"Собственность есть кража," — подсказал я, вспомнив слова одного из героев Джека Лондона.

— Именно так. Те, кто считает, что собственность есть кража — люди, чье мировоззрение сформировано под воздействием советской пропаганды, действительно считают ворами всех предпринимателей. В их понимании я, конечно, воровка...

Хотя крупнейшие и мощнейшие страны мира сильны и мощны именно Рокфеллерами, Фордами, Гейтсцами. А еще, правом каждого, кто хочет, быть предпринимателем, свободно, но законно заниматься бизнесом. Безусловно, многое, что происходит на постсоветских просторах, предпринимательством и бизнесом назвать нельзя. Например, с точки зрения экономической целесообразности крупнейшим преступлением против нации была украинская приватизация, а точнее, то, как она проводилась и проводится.

В начале ее в Украине не было ни капиталов, ни даже традиций уважительного отношения к собственности. Как можно было в то время выставлять на продажу объекты ценой в миллиарды долларов? Это привело к стремительному обесцениванию государственной собственности, как следствие, к тотальному ее разворовыванию и обнищанию людей. Это даже не разграбление страны, скорее — преступная бездарность. И очень дорого она Украине обошлась.

на чистую воду выводить! Тогда и "ошибка" с арестом мужа, глядишь, "обнаружится"...

А после этого "элегантного" намека и вовсе на деловой язык перешел. Освободить — не проблема, давайте договариваться. Значит, так... Поддержка "Батьківщиной" такого-то закона в парламенте, "правильное" голосование о признании результатов референдума...

Не знаю, не помню, сколько там было пунктов и каких именно. Да и неважно это, для меня — так точно. Мне другое болит — человек, за которого я проголосовал (да что я — миллионы людей!) деловито так, по-бизнесовому, оговаривал цену освобождения совершенно невиновного человека. Словно о тонне сахара на рынке речь шла. Или о партии мазута...

Сказать честно?! Я бы не посмел осудить пани Юлю — да и вообще — ни одну женщину — если бы она согласилась на это предложение. Это в природе женской — любимого спасти любой ценой. Да вот только Александру в камере стало известно о предложении "всенародного избранника" и в письме, на волю жене переданном, написал он:"Я выдержу, только ты не сдавайся".

Вы, кто уверены, что о любви все знаете, читаете это?

Пани Юле я об этом ничего не сказал — зачем?

СУД ВСЕ-ТАКИ БУДЕТ

Зато прибегнул к уже испытанному способу — заговорил о другом. Вспомнил, как часто на самодельных плакатах доведенных до отчаянья людей видел я требования отдать "антинародную правящую банду" под суд.

— Пани Юля, а, став руководителем страны, Вы будете судить нынешних ее руководителей?

Она чуть помедлила. Может быть, хотела слукавить? Нет, к тому времени я уже так не думал. Позже, дома уже,

мне и прикасаться не положено, что только двоим принадлежит...

Но пани Юля снова заговорила — слишком уж спокойно, спокойно ДАЖЕ ДЛЯ НЕЕ, как говорят люди, готовые скорее умереть, чем дать кому-то возможность ЖАЛЕТЬ себя:

— Это касается всей моей семьи. Но Саше пришлось тяжелее всех. Даже в тюрьме посидел. Ни за что — за то, что он мой муж, только и всего... Вообще, когда на меня обрушился этот уничтожительный ураган режима, я поняла, что это на самом деле такое: настоящая любовь сильного человека...

Вы, конечно, правы, пани Юля... Но и она же, та самая любовь, свинцовой болью сжимает сердце сильного мужчины, когда видит он незащищенность и страдания родной девочки, а ничего сделать не может! Страшно это для него, понимаете?!..

Но вслух я этого не сказал. Такие вещи нельзя говорить. А стоит ли писать?..

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Это я не от нее, не от пани Юли, узнал. Один ее ближайший соратник, с которым на даче разговорились ее ожидая, рассказал. А кроме того, на пленках майора Мельниченко была запись этого разговора. Этот соратник к президенту нашему пришел. Выяснить, с какой стати арестовали и держат за решеткой Александра Тимошенко, придравшись к какой-то восьмилетней давности (!) сделке с китайцами... Скажи тогда президент, что это не его, главы государства, дело, а суда, который разберется что к чему, и вопросов бы не возникло, и главы этой в книге не было бы...

Да вот только ответил президент наш, всенародно избранный, совсем по-другому. Сказал (со значением, поучительно сказал), что нечего ей "выпендриваться, уважаемых людей"

И опять мне с досадой подумалось; да что ж ты так скучно говоришь, Юлия Владимировна!? Ты ж не лектор в КПИ, ты — политик популярный, тебе на броневичок бы вскочить да закричать: Люди! Какая там приватизация?!. Слово придумали, а приватизировать-то и нечего, все уже украдено! Да и кто умеет эту самую приватизацию проводить правильно, чтобы зажили люди полегче!?..

Но такая уж она есть, Тимошенко, это я уже понял. На броневичок не полезет, а в телевизоре и газетах что-то не очень о ней вспоминают (позже спрошу, почему).

А по сути вся Украина с ней согласна, даже я, недоучка! Везде — на улицах, в транспорте — плюются мужики и женщины, брезгливо бормоча "провели "прихватизацию"... Но не слышат они мудрых и четких слов "принцессы". Только я слышу, отхлебывая принесенный чай с лимоном за столом утонувшей в темноте дачи... Обидно!

И ВСЕ-ТАКИ?

Как наползает на усталого человека сон теплой непреодолимой волной, так наплывала на меня, еще утром такого куражистого и самодовольного, симпатия к этой девушке (не смею так ее называть, но язык не поворачивается сказать — даме, глядя на ее стройную фигуру и юное, хоть и подернутое невидимыми отпечатками пережитого выражение глаз). И от этого злился я накручивал себя, как мог, пока пани общалась по одному из мобильных телефонов — тот как раз мелодично зазвонил. И оттого, что говорила она с дочкой (я не вслушивался особенно, и так ясно было), еще больше подобрело ее лицо и подумалось мне: нелегок хлеб фотографа "Батьківщини", потому что упорно не хочет быть пани Тимошенко самой собой на людях, боится, очевидно, что заподозрят ее в излишней мягкости или — что скорее— желании понравиться. И неверно это, пани Юля, это

я уже сейчас дописываю, перепечатывая книжку. Люди — они мудры, не глупее нас с Вами (меня, так точно), хоть бывают и простыми с виду, и вообще разными. Да только не бойтесь им свое истинное лицо открыть — человеческое, женское, материнское... Ведь не каждый сможет с Вами за одним столом посидеть, как я сейчас, чтобы понять и почувствовать то, что понял и почувствовал я сам... И обманут, купят людей "ораторы", которые не только глупей Вас — не в этом дело! — а которые уже до конца, крошечки со стола сметя, разворуют, как вы говорите "национальный ресурс". Напрасно, кстати, говорите. Народное добро, всем нам принадлежащее,— так и вернее, и всем понятней!..

И все-таки... Хозяйка отложила телефон, снова подняв на меня взгляд. Я выдержал, глаз не отвел.

— Так все-таки, Юлия Владимировна, что народу скажем — и маме тоже? Как вы, с пяти тысяч рублей стартуя, состояние заработали. Талант, труд — это я понимаю. Но если не та самая "прихватизация", то что? Скажете? Или секрет?

— Почему секрет? Я — первый в Украине предприниматель, который построил два завода — с нуля, с полей, на которых трава росла. *(Тут она чуть улыбнулась, но как раз очень понятной мне улыбкой. Так, получив из типографии свежую еще книжку, вспоминаю я чистый лист, с которого она начиналась.)* Трудно, конечно, было неимоверно... Волнения, бессонные ночи, проблемы с кредитами, разбирательства с чиновниками...И все прочее...

— Тяжела и неказиста жизнь у капиталиста? — иронично улыбнулся я. Глубоко она все же сидит в нас, жилка недоверия к предпринимателям.

— Напрасно вы иронизируете,— *отчеканила Тимошенко.*— Сами же сказали — Вам не нужна сказка о Золушке. Мне тоже.

ремесло, и отрицать это глупо).— Вот Вы — политический лидер, миллионы людей связывают с Вашим приходом к власти надежды на лучшую жизнь, возрождение страны... И дни Ваши расписаны по минутам, я же вижу, и нагрузки дикие совершенно. А Вы ведь замужем... У Вас остается возможность хоть иногда посидеть с ним, обнявшись, возле потрескивающего костра, съездить на ночное озеро, в котором отражаются теплые украинские звезды, пригласить общих друзей и, смеясь, жарить мясо и дурачиться на природе? Такие радости — они же чуть ли не лучшая частица жизни, они всем положены...

— Знаете,— *(я не хотел делать ей больно, видит Бог, не хотел, но все-таки сделал — каштановые глаза стали почти черными, голос дрогнул...).* — Знаете,— *повторила пани Юля,*— мой муж — один из самых терпеливых и надежных людей на земле. Вы правы: СЕЙЧАС Я НЕ МОГУ СОЗДАВАТЬ ДЛЯ НЕГО СПОКОЙНУЮ СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ МОЖЕТ И ДОЛЖНА СОЗДАВАТЬ МУЖУ ЖЕНЩИНА. БОЛЬШЕ ВСЕГО ИЗ-ЗА МОЕГО РЕШЕНИЯ СТАТЬ ПОЛИТИКОМ СТРАДАЕТ МОЯ СЕМЬЯ... Это еще одна жестокая плата за право бороться за свою страну.

Я молчал. Жалел ли я, что задал этот вопрос? Да я до сих пор об этом жалею!!! Потому что сразу вспомнился мне тот самый арендованный мангал — хирургически чистый, забывший веселье пикников, и разрывающиеся мобильные, рассыпанные по столу, и устало-нежные глаза красивого седого мужчины, которыми смотрит он, думая, что никто этого не замечает, на свою жену. Ведь это для всех нас она — крупный политик Юлия Владимировна Тимошенко, а для него — маленькая его Юлька, любимая, единственная и очень усталая... Все, хватит!.. Сейчас насочиняю целую повесть о том, к чему

латами не заменишь. Это горе, которое убивает настоящего офицера более жестоко, чем нужда. А мы — помимо бытовой нужды и неустроенности — обрекаем его на незавидную участь: обучать недокормленных солдатиков бросать деревянные гранаты... Отсюда и сбитые нашими ракетами на учениях пассажирские самолеты, и явная неспособность защитить свои границы, которую не скрыть показушными парадами. Но, господа офицеры, первый по-настоящему офицерский, мужественный шаг нужно сделать в трудном бою за устранение губительной для страны власти, возле урны для голосования на ближайших выборах. Военные люди знают, что преступные команды исполнять нельзя, и что за их спинами сегодня снова, как когда-то в героические исторические времена, наша истерзанная Родина.

Сейчас, сидя за компьютером, снова пережил я — остро и горячо, как мальчишка, приступ ПАТРИОТИЗМА. Величественное, гордое слово.

Как же это мы его забыли (если футбола не считать)?.. Да, и там опозорились...

ЛЮБОВЬ

Тут мы прервались — приехал Саша с дочкой.

Женя — совсем уже взрослая девушка, почти невеста, одновременно очень похожая и на папу, и на маму (как и все дети, рожденные в любви, я часто замечал) — по-хозяйски угощала меня привезенным виноградом. Саша, сбросив пальто, подсел к столу... Меня другое удивило — очень недолго это длилось, с очень уж привычной деликатностью ушли оба из комнаты, оставив нас работать дальше. Не переглядываясь и не сговариваясь ушли, словно прозвучал невидимый гонг. Но ведь не было никакого гонга...

— Пани Юля,— сказал я, жестокая и бесчувственная свинья, следуя долгу профессии (сильно все-таки влияет на нас

Сумасшедшая ответственность, необходимость принимать решения, от правильности которых зависят жизни тысяч людей — это образ жизни любого нормального предпринимателя. Другое дело, что у нас их очень мало... Под моим руководством построено два завода, очень больших, красивых, современных, продукция которых высоко ценится на международном рынке. Практически все заработанное вкладывалось в развитие производства, а не в мой или еще чей-то карман. Вот так он и выглядит, мой основной коммерческий успех. Может быть, для того, чтобы завоевать доверие людей, нужно врать, но я не могу и не считаю нужным. Предприниматели — не инопланетяне, а такие же люди, как все остальные. Просто также себя называют казнокрады и преступники, поэтому у народа при слове "предприниматель" сжимаются кулаки...

Тут же вспомнились опустевшие заводы-призраки, жестко темные, пустые, десятками проносящиеся мимо, когда едешь из Киева (хоть в Житомир, хоть в Одессу, да хоть куда!). Интересно, а на что похожи тимошенковские красавцы?..

—Скажите, а эти заводы сейчас работают?

— Конечно,— *"принцесса"* невесело улыбнулась.— Ведь нынешняя власть до них пока не добралась...

— И на них работают наши люди?

— Конечно. А кто же?

— А сколько в среднем получает квалифицированный рабочий на этих предприятиях?

— Приблизительно столько же, сколько депутат Верховной Рады .

Ты слышишь, мама? Ты поверишь мне, вернее, пани Юле. Поверь, пожалуйста, потому что это правда!..

Хорошо, что у пани в очередной раз зазвонил телефон. Я сидел, стараясь не выдать своего потрясения. И ОНА НЕ

КРИЧИТ ОБ ЭТОМ!! Затертая мордастыми ворами с луженными глотками, тихо и спокойно говорит мне маленькая женщина, что построила на пустом месте два завода, где наши украинские рабочие получают европейскую (и достойную украинцев) зарплату, и не кричит! Ну, ладно, а что же Вы, ребята, заводские мастера, не хотите, чтобы все жили, как Вы, по-человечески? Не стесняйтесь — расскажите всем, как Вам живется-работается, а то я сам об этом впервые слышу. А расскажу — мне могут не поверить, потому хоть и работаю я много, но руки у меня не мозолистые, врать не буду, этого почетного знака трудящегося человека, этого пароля негласного не могу я предъявить... Вы — можете. Так чего молчите?

ЭТО УЖЕ ПОЛИТИКА

Собеседница моя все еще говорила по телефону, так что было у меня время продумать следующий вопрос. Не просто важный и нужный, но и мне самому интересный. Потому как давно и изредка задумываюсь: что людей приводит в политику. Нет, старых советских партаппаратчиков, понятно. Они только и умеют, что по коридорам власти перемещаться. Именно перемещаться — об остальном мне неизвестно. Олигархи и их политические представители, ясное дело, свои интересы лоббируют, им украсть надо побольше и поскорее. От того самого "ресурса" отщипнуть побольше. Ну, а в нашем-то случае?..

Тимошенко как раз закончила разговор с невидимым телефонным собеседником. Я глотнул остывшего чаю.

— Юлия Владимировна, с бизнесом мне, вроде, понятно. Но как Вас в политику-то занесло. Молодость, муж, дочка, оборот в десять миллиардов, прочие радости... Живи и радуйся! А, так, и травят Вас власти изо всех сил, и в тюрьме посидели, и устаете ежедневно, сразу видно...

Сейчас уже, перепечатывая для вас услышанное в тот вечер, нашел я, кажется, объяснение — скорее всего, не может нынешняя Украина, разграбленная и встрепанная, позволить себе быть гордой.

Украина Юлии Тимошенко сможет.

НАШЕ ВОЙСКО

Не случайно, конечно же, не случайно, тут же подумал я об украинской армии — гордые слова безнаказанно говорят только сильные люди. А страны — тем более.

— Пани Юля, а какой должна быть армия Украины? — спросил я, и, видя явное удивление, пояснил.— Помню, когда я был студентом — с точки зрения истории — вчера, это для меня молодость мелькнула и ушла — мамы наших сверстниц радовались, выдавая дочек замуж за молоденьких лейтенантов. Да что там лейтенантов — за курсантов даже! Потому что люди в погонах, хоть и трудно порой жили, но уж нужды не знали, это точно. И не приходилось им ни подхалтуривать тайком, чувствуя жгучий стыд, ни казенное имущество разворовывать...

— Вы слишком узко ставите вопрос. Нищенское состояние офицеров, глумление над самим этим словом, насмешки в виде жалких прибавок в десять гривен раз в пятилетку... С этим Украина в состоянии покончить на первом же этапе проведения разумного, прагматичного и организованного построения национальной экономики. Нищий офицер — это оскорбительный для всех феномен, который только нынешний режим сделал привычным явлением... В нормальной Украине этого не будет и быть не может.

Но вы плохо думаете о людях в погонах, если считаете, что вся проблема для них — только в зарплате. Если офицер чувствует, что он не в силах защитить родную землю, этого никакими зарп-

рикой стараемся наладить отношения... Я понимаю, вопрос подобного выбора очень сложен...

— Нет здесь никакого вопроса и тем более выбора..,— *заговорила пани Юля. Отдыхала она на этом вопросе.*— Мне даже неловко за страну, когда я вижу, как неумело и путанно президент рапортует о верности то Путину, то Бушу, по очереди... В то время как он совершенно не обязан клясться в верности кому бы то ни было, кроме Украины и ее народа. У нас есть наша страна. У страны есть государственные интересы. Исходя из этих интересов — и только из них — руководитель должен строить внешнюю политику. Это и есть единственно верная и достойная позиция. Обратите внимание — никому в мире на государственном уровне так настойчиво не задают этот совершенно неумный вопрос. Посмеет, например, кто-либо допытываться у Англии, кому она более близка и верна — Америке или Европе? Такое даже представить себе невозможно...

Тут мне как раз фраза, произнесенная кем-то именно из великих англичан вспомнилась: "У Британии нет постоянных друзей и постоянных врагов. У Британии есть постоянные интересы".

— Поверьте — стоит один раз озвучить такой нормальный для всего мира подход, и больше мы не услышим подобного вопроса никогда! — *закрыла тему пани Юля.*

А мне подумалось — ведь вспомнил я эту фразу не то Черчилля, не то еще кого. А, значит, слышал раньше, знал. Просто неприменимой она казалась к нашей стране. То — Англия, а то — мы, убогие... А сейчас вот вдруг с непривычной гордостью подумал — и правда, какого это черта мы должны обязательно кому-то в преданности клясться: Америке, России, Гондурасу?! Простая и гордая мысль, но, наверное, нужно было мне, здоровому детине, сыну страны своей, услышать ее от тоненькой пани Юли.

Я ЗАТАИЛСЯ. Я ОЧЕНЬ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ОНА ОТВЕТИЛА ЧТО, ТО ПАФОСНО-ПАТРИОТИЧНОЕ, ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ. ЕСЛИ НЕ СЕЙЧАС, ТО КОГДА ЖЕ, В КОНЦЕ КОНЦОВ?! НО НЕТ, ВСЕ ТАКИМИ ЖЕ СДЕРЖАННЫМИ БЫЛИ И ГОЛОС ЕЕ, И ПРОИЗНЕСЕННЫЕ СЛОВА. ПОЧЕМУ ЧЕСТНОЕ У НАС ГОВОРИТ ТИХО, А ЛОЖЬ КРИЧИТ? ЧТО МЫ ЗА ЛЮДИ ТАКИЕ?!..

— Дело в том, что когда твой бизнес достигает такого уровня, это уже и есть политика. В чистом виде политика, хочешь ты того или нет, потому что такие капиталы уже начинают входить в систему мировой конкуренции. И если ты не понимаешь существующих систем и взаимосвязей, то твои предприятия долго существовать не смогут. А ты уже несешь ответственность за тысячи людей.

И все-таки она меня удивила. Именно в этот момент. Потому что как-то враз, неуловимо исчезли в ее голосе такие непонятные и скучные нотки учителя экономики, тяжело вздохнула молодая женщина по имени Юлия Тимошенко и очень по-человечески заговорила.

— Я в это время, знаете, одну очень важную для себя самой вещь поняла. Оказывается, деньги — они только на первом этапе важны. Очень важны. Пока не заработаешь на жизненный минимум — самое интересное, что он же и максимумом является для нормального человека! Это — пристойное жилье, еда, машина, одежда, обучение детей, возможность на отдых съездить, в театр сходить... Человеку-то больше ничего не нужно. Для себя лично, я имею в виду. А дальше, если говорить о предпринимателе, начинается процесс развития производства. То есть, начинает возрождаться и расти страна, ее экономика, зарплата людей. Иначе невозможно удерживать производство и жизнь страны на высоком уровне...

Ой, Юлия Владимировна, Юлия Владимировна... Как же! Разогнались они, кровососы мордастые, заботиться о благе народном! Может, они и не читали тех правильных учебников, которые Вы наизусть знаете, да вот только на что угодно спорить могу, мало им людского и понятного нам всем минимума-максимума, и ложатся в закрома всяких Швейцарий деньги измученного нашего народа, ворованные слитки того самого "ресурса", и долго еще будут ложиться, а Вы все говорите в полголоса, вместо того, чтобы кричать! Но что-то повторяться я стал. От досады, наверное...

НАЧАЛО

А собеседница моя продолжала:

— Теперь я уже знаю, что политика перемолола многих очень могучих людей. Перемолола в фарш и выплюнула. И СО ВРЕМЕНЕМ ПОДЕЛИЛА Я ПОЛИТИКОВ НА ТРИ КАТЕГОРИИ И МНОГОЕ ПОНЯЛА... Одни приходят в политику, чтобы заработать больше, чем имеют, используя власть или становясь властью, вторые — просто потому, что им некуда больше деться, ничего больше не умеют. Первых и вторых в политике, к сожалению, подавляющее большинство. И только третья микроскопическая группа политиков живет тем, чтобы работать на свою страну, на свою нацию. И, как правило, последние не имеют финансовых ресурсов для политической работы, а также доступа к влиятельным СМИ. Как может в такой стране, с жизнью не по законам, а "по уголовным понятиям", родиться сильная альтернатива существующей властной команде?

Тимошенко перестала улыбаться, легкая тень досады пробежала по ее лицу, но не сделала его злым — только убежденность проступила еще больше.

— Так вот, когда я приехала в округ...

— Не там, где Ваши заводы находятся? — писака-шпион

нашу с женским именем, все ждущую чуда и счастья, как "братки" торговые палатки на рынке — "по понятиям"... И не так это смешно, как страшно, если вдуматься...

— Увидев, что я не иду и не пойду на такого рода соглашения, "семьи" — семейно-олигархические кланы, стоящие у власти в нашей стране — предложили мне "по-хорошему" выехать из страны, сохранив свой бизнес в Украине...

Не очень разбираясь в системе "семейных" ценностей, я скорее почувствовал, чем понял, что такое предложения по "понятиям братвы" было царским в своей щедрости...

— Когда они поняли, что договориться со мной о подобных "разделах ресурса" не удастся, меня решили уничтожить...

Просто так она это произнесла. Без эмоций.

Здесь бы мне, наверное, и стоило спросить о тюрьме. Но я оттягивал этот момент. Сознательно оттягивал. Почему? А вы попробуйте спросить у красивой и хрупко-юной (несмотря на всю силу свою и политическое влияние) женщины: "Ну, а на параше нам как сиделось, а?" Не очень это приятно, можете поверить на слово...

И я заговорил о другом.

АМЕРИКА, РОССИЯ И ПРОЧИЕ...

— Пани Юля, как ни крути, а живет наша Родина, прижатая всей своей историей-географией к огромной России... И вопрос об отношениях наших с ней — федеративной, газовой, нефтью начиненной — то и дело задается политикам всех кровей. Вплоть до президента. Ему, кстати, чаще, чем остальным. Как ни крути, а вопрос ключевой. Потому что и дразнить эту огромную непредсказуемую страну не хочется, но и совершенно определенное ее отношение к "Малороссии вообще и хохлам, в частности" не располагает к братанию навеки... Да и будущее свое мы все-таки видим в Европе, и с Аме-

не наверное — я точно покраснел. Зато в голове родился следующий вопрос. Очень, по-моему, правильный.

ПРАВИЛЬНЫЙ ВОПРОС

— Кстати, о деньгах, пани Юля. И о том самом пироге — ресурсе. А Вас к нему-то готовы были пустить? А то может показаться, что — нет, оттого Вы власти и мстите...

(Каюсь, я так не думал. Мне неловкость ситуации загладить нужно было хоть как-нибудь...)

— Компромиссные соглашения об использовании ресурса — или пирога, как Вы его назвали,— с того момента, как я возглавила Бюджетный комитет парламента, предлагались мне еженедельно. И каждый раз их финансовое содержание становилось все более заманчивым... Дело в том, что я в тот период разрабатывала проект бюджета, который был "очень неудобным" для власти... К тому моменту, когда я стала вице-премьером правительства, такие предложения стали нормой моей жизни.

И снова — в сотый раз уже — пожалел я, что еще не умеет печатная страница передавать тональность голоса. А потом представил себе этакую сходку упакованных наших державных дядек...

"— А я ей говорю, в натуре: "Слушай, чего тебе мешает жить, а? Ты давай живи — и другим давай, поняла?"

— Да возвращайся в свой бизнес, никто тебя не тронет. Я ответил!..

— Обломится тебе твой кусок, только делись, как по понятиям положено...

Может, и не такие приблатненно-вульгарные слова в их разговоре звучали (а может, и такие, теперь уже ничему удивляться не приходится), да только суть щедрых "компромиссных предложений" от этого не меняется. Дорвался до пирога — кусай, как все, и другим не мешай! И делят они страну

со своими подковырками, оказывается, еще сидел где-то внутри меня.

— Нет. Мне предстояли не основные, а дополнительные выборы, за полтора года до конца работы очередного созыва Верховной Рады, и я выбрала ближайший из свободных округов — он оказался в Кировоградской области. Конечно, мне, тогда не опытной и потому не умеющей мудро выбирать "правильный" округ, достался край беднейший, где несколько лет не было нормального урожая, и хаты стояли покосившиеся, словно вчера немцы ушли... Вот Вы меня в самом начале разговора спрашивали, знала ли я бедность, и я ответила "Да". Это правда, но я всегда жила в городе и сегодняшней сельской нищеты не видела и представить себе не могла. А увидеть, и не раз, была обречена, ибо багажа "политтехнологий" я не имела и решила встретиться с как можно большим числом людей...

"Очень это правильно, человечно",— подумал я, но вслух говорить не стал, чтобы не перебивать.

— Мотаясь по округу и проводя шесть-семь встреч за день, выслушав сотни и тысячи горьких людских историй о бедах и страхах, увидев, какой ужас происходит на нашей украинской земле, я поняла, что вовсе я человек не сильный... Ужас это, настоящий ужас. Другого слова нет. Сельская бедность страшна в своей неприкрытости. Дети умирают от того, что им вовремя не вырезали аппендицит, по очереди (как во времена крепостничества) ходят в школу, потому что ботинки — одни на всех, питаются люди крайне плохо и поэтому изможденны и болезненны... Ни одна голодная Африка, думаю, сейчас такого не знает — люди "пашут" по двадцать часов в сутки и не видят ни копейки, а с ними рассчитываются фуражным зерном. Не было у моих избирателей ни света, ни газа, ни воды, ни денег за все это заплатить... Представьте себе эту жизнь. Это не тяжелая жизнь. Это — дикое существование, первобытное...

— И что, когда увидели все это, что — сбежать не захотелось? — глупо спросил я. Глупо, потому что уже понимал и чувствовал, что не бегает моя собеседница ни от трудностей, ни от врагов. Это я так просто спросил, остатки суперменского куража побыстрее выплескивал... Пани Юля сделала вид, что не расслышала моего вопроса. Спасибо ей за деликатность и понимание...

— Это было действительно страшно... Каждый раз поговорить со мной выстраивались в очередь двести-триста человек, и после беседы с ними мне нужно было поплакать хоть полчаса, чтобы переварить все услышанное и не сойти при этом с ума. Со мной было человек двадцать — члены моего предвыборного штаба. Некоторым людям старались помочь прямо на месте...

— Это, извините, каким же образом? — искренне не понял я.— Вы же не были не только лидером страны, но и просто депутатом...

— В моем распоряжении была прибыль корпорации, той самой, которую я создала. Это было единственное, чем я могла распоряжаться. Мои помощники записывали все и старались тут же найти решение... Именно тогда я четко поняла, что бизнес — это не мое предназначение в жизни. И он перестал для меня что-либо значить после первого месяца работы в этом округе Несчастных Людей. Сегодня я уверена, что Господь мне дал на некоторое время большой бизнес, чтобы я могла на равных бороться в политике с чиновничье-криминальным украинским Молохом — жестоким, коварным, безразличным к человеческой боли, патологически жадным, запредельно несправедливым, имя которому Легион. В этой борьбе деньги, к сожалению, занимают ведущее место, они сродни оружию.

— И что же Вы говорили всем этим обездоленным людям? — уже совершенно искренне спросил я, потому что игривый и гибкий писательский мозг мой уже помог мне представить себя

ной даче, а в тесной "хрущевке", и чтобы под окнами стоял не красавец "Мерседес", а ушастый "Запорожец"? Променяли бы Вы свое благосостояние на благополучие Родины?

И тут она улыбнулась — грустно и насмешливо одновременно, как она обычно улыбается.

И она ответила:

— Все к тому и идет... В смысле — к хрущевке и "Запорожцу"... Но меня это не пугает. Я ведь уже долгое время трачу все средства только на политическую борьбу за свою страну, ни на что больше... Настоящих бизнесменов — тех, для которых бизнес важнее всего — вокруг меня не осталось, только преданные делу возрождения Украины люди. Конечно, деньги были, но они тают быстро, если не зарабатываешь политикой, а тратишь на нее... Да и власть последние пять лет системно и цинично разрушает весь наш бизнес. Сейчас налоговая полиция, прокуратура, суды — в каждом ведомстве есть свои шакалы и стервятники — проводят "контрольную зачистку" наших еще агонизирующих предприятий. Вы сами, наверное, знаете, как это делается — сначала налоговая под предлогом проверки арестовывает счета и парализует работу, а потом насчитывает фантастические штрафы, и чем больше обороты у предприятия, тем эти штрафы чудовищнее. Это моя плата за право делать честную политику. А дача и машина... Кое-что пока еще осталось, конечно. Но надолго ли?..

Думаю, я покраснел — всегда стыдно чувствовать себя идиотом. Я знаком с нуворишами от политики, для которых слетать в Париж поужинать — обычное дело, которые строят на дачах бассейны с пираньями и держат при себе специальных теток, рыщущих по провинции, чтобы подыскать к субботней сауне нескольких малолеток-девственниц для утехи хозяина и его гостей... А пани Юлю, сменившую благополучную жизнь на опальную судьбу политика-патриота я, дурак, попрекнул... И чем — арендованной дачей и машиной!.. Я

КАК ПРАВИЛЬНО ГОЛОСОВАТЬ

За чаем я расслабился, да и пани перевела дух — давно уж ночь стояла за уютным дачным окном. И вопрос я задал больше для себя самого, чем думая о книге.

— Пани Юля, а, вообще, почему ничего не меняется? И люди не идиоты, и Кучма всем уже, мягко говоря, не нравится...

— Самое страшное происходит во время выборов. Страшное, потому что непоправимое. Каждая ошибка людей на выборах отбрасывает Украину на годы и десятилетия назад. Я бы, если бы могла, попросила всех хоть раз проголосовать нетрадиционно... А то у нас десять лет голосуют одинаково: "руховцы" — за Рух, "коммунисты" — за компартию, люди с неопределенными политическими взглядами — за "случайные" партии без лидеров: зеленых, фруктовых, женских инициатив... Такая традиция голосования приводит к тому, что режим умело ее, эту же традицию, использует. А хуже всего то, что по разным причинам избиратель часто отдает голос за человека, лишенного патриотизма, не показного, а реального...

РЕАЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ

Я уже полюбил пани Юлю. Я уже верил ей. Я уже хотел кричать вголос о том, о чем она говорит тихо и очень сдержанно. И все равно у меня в мозгу моментально возник вопрос-ловушка. Вернее — вопрос, а затем — следующая из него ловушка. Такой уж я коварный, что делать!

— Пани Юля, а что такое — реальный патриотизм?

Она не замялась даже на секунду.

— Это способность человека ставить интересы страны и людей выше собственных.

"Вот и отличненько!" — мелькнуло в мозгу.

— А согласились бы Вы, пани Юля, ради процветания Украины и каждого человека в ней оказаться сейчас не на уют-

на месте кандидата, оглушенного тоннами человеческой боли и придавленного собственным бессилием.

— У меня тогда был один политический лозунг: "Я смогла выстроить собственную жизнь, которая начиналась с лишений и бедности. И я смогу помочь Вам, разобравшись в тех проблемах, которые сегодня уничтожают страну".

— А тогда, в первый раз, Вас выбрали?

— Да, больше, чем девяносто процентов проголосовали за меня. До сих пор помню чувство страшной ответственности, появившееся тогда.

— Впервые, что ли?

— Нет, конечно. Но одно дело — отвечать за оценки в институтской зачетке, родную дочку, собственный бизнес даже, и совсем другое — за судьбы тысяч людей, которые облекли тебя доверием. Знаете, я с детства приучила себя стараться быть лучшей во всем, что делаю. Отсюда, наверное, и эта жесткость, и сухость, за которую Вы меня ругаете,— *я не ругал пани Юлю, не смел и не испытывал желания, но прерывать не стал.*— Так же я отнеслась и к заботе о выбравших меня в парламент людях. И ответственность за этих людей я чувствовала не формальную, а прямо физическую какую-то. А на государственном уровне что я могла сделать — депутат-одиночка? Закон справедливый издать? И говорить смешно...

— И какой же нашли выход?

— Напряженно день за днем строила и продолжаю строить, расширять нашу политическую команду. Команду людей чести, долга и интеллекта, которая способна возродить страну и защитить людей.

Слышите?! Разве можно сказать искренней и правильней?! Это же для Вас говорится, для Вас, а не для щедрого заказчика , потому как все равно сказки о монстре у меня уже не получится, что получится — одному Господу известно! Док-

ричаться до вас хочу, чтобы хоть чуть громче прозвучал тихий, но твердый голос моей ночной собеседницы!..

От этого крика, внутреннего, неслышного, вдруг почувствовал я, что устал жутко, потер ладонью лицо. За спиной скрипнула дверь.

— Познакомьтесь, это мой муж.

Я поднялся навстречу, протянул руку. Высокий, худощавый, седые волосы... Насколько я могу судить, женщины считают его красивым... Только вот в глазах — действительно больших — и близко не было той мутной блатной придури, которая была так заметна на экране. Неужели телевизионщики так поднаторели?

— Александр. Очень приятно..,— сказал мне человек, который много лет назад не смог купить крохе-дочурке стакан сока. И показался он мне очень приятным, доброжелательным человеком.

— Давайте прервемся до завтра. Тоже до вечера, ладно? — *сказала пани Юля.*— Только еще об одной страшной встрече хочу Вам рассказать, потому что запомнила ее навсегда. Предложили мне проехать по селу. И так вышло, что машина остановилась около хатки — ее и хаткой-то назвать трудно, скорее — землянка, даже не знаю... Перекошенная, окна все выбиты. В общем, я даже не сомневалась ни минуты, что в ней никто не живет. В таких местах человек жить попросту не может. Из чистого любопытства, интереса к старине шагнула я внутрь. Стоял предзимний, морозный уже ноябрь, и пол в хатке — хотя это не пол был, а просто "доливка", земля выровненная — укрывал толстый слой инея. И шагнула мне навстречу, ступая босыми ногами по заиндевелой "доливке", старенькая бабушка. И, виновато так кланяясь, начала искренне извиняться: "Прости мэнэ, доню, що так довго на свити живу!.. Клопоту щэ тоби додаю, стара!.. Пробач, заради Христа!.. Я б и рада вжэ помэрты, та Господь не бэрэ"...

Просто опыт тех лет и тех государств показывает нам, что при правильной организации подобное быстрое возрождение возможно. Учитывая состояние, в котором сегодня находится Украина, при осуществлении власти командой людей, желающих не воровать, а строить, это займет максимум три года.

Я ПУГАЮСЬ СЛОВА

ТРИ ГОДА!!! КАКИХ-ТО ТРИ ГОДА!!!

Я бы радостно вскочил, но вместо этого как-то сжался, словно колючий и тревожный ветер пролетел по вечерней комнате. "Осуществление власти командой". За этой фразой вставали ужасы Беломорканала и Гулага, Майданеки и гетто, не говоря уже об андроповском "...почему не на работе!?".

— Знаете, пани Юля..,— я говорил медленно, не хотел я очень этого говорить, но и молчать не собирался.— Гладко Вы все говорили, но вот оно и проступило,— и, поймав недоуменный взгляд, пояснил,— "командную политику" наша бедная Родина уже проходила... И тоже обещали райскую жизнь в ближайшем будущем...

Недоумение в ее глазах сменилось горьким весельем.

— Господи, какие же мы все пуганые..,— *она сказала "все мы", а не "Вы", спасибо ей за это.*— А мне надо следить за речью или объяснять, что имею в виду... Я говорю не о режимно-командном методе управления страной, а о том, что лидеру в такой ситуации необходимо совершенно определенное окружение — не "пауки в банке", а сильная команда единомышленников, видящая общие задачи и умеющая их решать. В этом смысле "командный"...

Господи, как же мне сразу стало легко и радостно! Я даже сладкого чаю попросил у доброй Галины Филипповны...

нина-Сталина: Петр Симоненко при всем желании ни на того, ни на другого не тянет, он — не вождь. И ради чего? Чтобы через семьдесят лет ваши внуки получали не две тысячи, а семьдесят долларов?.. Давайте не будем считать людей глупыми, это не так.

— Но рейтинг-то у коммунистов высокий?

— Иначе и быть не может. Людям не с чем сравнивать прошлое, кроме как с нищетой и издевательствами сегодняшней власти. Не забывайте — на референдуме в 91-м году девяносто процентов наших граждан проголосовало за независимую Украину. А сегодня за независимость уже только сорок семь процентов. Просто сегодняшний режим украл у них мечты и надежды. А первые же реальные успехи свободного общества помогут людям разобраться, что к чему, и какое общество способно дать человеку достойную жизнь.

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ КОММУНИСТОМ

Я — не коммунист. Это мягко говоря. Но если бы я был коммунистом, то в ответ на такую вот "политарифметику" немедленно ответил бы соответствующим вопросом. Что я и сделал:

— Ну, хорошо, пани Юля, логика Ваша понятна до предела. Но, раз уж заговорили Вы о сроках возрождения страны, скажите: стань Вы сегодня лидером государства, за какой период Ваша политика сделала бы Украину развитой европейской страной?

— Я приведу пример. После войны наша страна — тогда еще в составе СССР — была поднята из руин за шесть лет...

— Но это же сделали как раз коммунисты...

— Это сделали решительные лидеры и опытные профессионалы. А под их руководством — наши люди. Кстати, такое же "возрождение из пепла" происходило и в проигравшей Германии, и в разрушенной Европе. В общем, неважно, кто это делал...

У меня предательски заслезились глаза. А у Юлии Тимошенко — нет. Очень спокойно смотрела она на меня, когда сказала:

— В этот момент я перестала быть предпринимателем и стала политиком. Эту боль я храню в сердце каждую секунду. С этой болью я выдержала все испытания и прошла через всю заказную грязь. С этой болью в сердце я буду жить и побеждать.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Я даже и не собирался делить книгу о Юлии Тимошенко на две части — слишком четко отлилась ее форма в моем игриво-профессиональном мозгу. Портрет изначально должен был быть четким и монолитным, как приговор обвинения, это ясно. Больше скажу — не я это и сделал. Кто? Не мне судить. Может быть, сама Жизнь. Может, сама Тимошенко, такая пронзительно-неожиданная и непохожая на телевизионный миф о себе. Может, Господь Бог; в это мне, грешному, конечно же, хочется верить больше всего. Но только факт остается фактом — вторая половина написана не сочинителем-авантюристом, великовозрастно играющим в хитрого агента. Где-то там, в домике под старыми соснами остался он. А домой вернулся взрослый усталый человек, впервые, может быть, всерьез задумавшийся о том, что нельзя прожить жизнь, играя и не замечая страданий Родины своей, потому что хрупкая и сильная одновременно женщина Юлия знает как и готова эти страдания излечить, хоть и не дают ей упорно, потому и стоит где-то в эту секунду босыми ногами на заиндевевшем земельном полу седая украинская бабушка с добрыми глазами, потому что...

Я глотнул виски — прямо из бутылки, не раздеваясь. Мне можно было — я принял решение. И — не выполнил заказ, впервые в жизни наплевав на деньги и не жалея об этом. Мне хо-

телось выйти на балкон, крича слова правды вместо нее, так неброско любящей Родину Тимошенко. Но меня приняли бы за сумасшедшего или пьяного, хоть и не опьянел я совсем, наоборот, пришел в себя немного. И понял, что не кричать я буду, а попросту напишу книгу — это я умею, пока что получалось. И верили люди в моих героев, безалаберных и мужественных, грешных и добрых. Верили в выдуманных — так неужели же не поверят в книгу о НЕЙ — такой настоящей... Нужно, чтобы поверили — не о коммерческом романе речь идет, а о том, какой наша страна будет завтра, послезавтра — и дальше, навсегда... Почему Господь меня выбрал для этого? Ума не приложу, чувствую только, что без Его воли не пришло бы в мою беспутную голову решение "сработать бестселлер" для заказчика-политика, не оказался бы я за массивным деревянным столом на даче под Киевом, не стоял бы я сейчас, куря в распахнутое, почти уже морозное окно и впервые в жизни думая о том, что видно и мое время пришло вспомнить о том, что не в пустыне я живу, а в Украине, и смотрит на меня она — трижды обманутая, глазами той самой седой бабушки...

И еще одна причина есть разделить эту книгу пополам и начать новую, самую, хочется верить, важную ее часть. За несколько следующих дней многое я узнаю: что дача (та самая, "буржуйская") просто взята партией "Батьківщина" в аренду — вместе со всеми столиками и газончиками, что домработница Галина Филипповна — никакая не домработница, а добрая и улыбчивая женщина, незаметно и по-хозяйски превращающая дачу эту — рабочую, штабную — в уютное и гостеприимное место, да и вообще много чего я узнаю, своими глазами увижу, своей собственной, грешной, но живой душой почувствую. Слишком многое и слишком важное, чтобы писать длинно и запутанно. Не имею я права на скучную книгу. Потому что не сам хочу быть услышанным, а донести до Вас слово Юлии Тимошенко и честно донести. Все последующие

— А не боитесь, что победят они?

— Нет. Не буду сейчас ничего разоблачительного говорить, хотя у нормального человека не может не возникнуть вопрос — как это уничтожитель своей страны Кучма мирно уживается с откровенными коммунистами — может, они ему не опасны?.. Давайте просто посчитаем. Советский Союз в том виде, в котором мы его помним, мучительно создавался 70 лет. Были жуткие войны, лагеря, пытки, надрывный труд за копейки... Ну, историю все знают, я о другом. В результате этого долгого, трудного и кровавого пути было построено общество, где средний работающий зарабатывал около 70 долларов в месяц, а средний пенсионер получал около 45. (А в средней западной стране тогда уже эти цифры соответственно составляли две с половиной и полторы тысячи долларов).

Признаюсь, меня даже покоробил такой "чисто прагматический" подход. А Афганистан?! — хотелось крикнуть мне.— А полумертвый генсек Брежнев со своими каждую пятилетку новыми радостями!? А несвобода выезжать за границу и дебильные "политинформации" для детей и взрослых!?.. Это только то, что я застал, а были и бериевские подвалы, и голодомор 33-го, и еще...

— Сегодня общая ситуация сходна: есть Афганистан, есть генсек — политический полутруп, есть дебильные "политинформации" на купленном на корню телевидении, есть, я утверждаю как очевидец, бериевские подвалы и почти для 70 процентов населения — настоящий голодомор. А экономическая ситуация хуже, чем в Союзе: средняя зарплата — около 30 долларов в месяц, пенсия, соответственно, 15. Сама страна находится примерно на том же уровне развала, что и в начале строительства советского государства. Те, кто сделают коммунистический выбор, должны четко понимать, что стране придется пройти такой же, полный лишений и крови, путь длиной в семьдесят лет. Причем, без Ле-

тожения страны. А что касается самих идеалов прошлого... Нужно сначала на деле показать человеку, что реформы могут дать ему лучшую жизнь. А тогда уже он сам решит, какие цветы и к какому памятнику носить... Какие памятники сносить, а какие строить.

* * *

Тут я просто не мог не перекурить. И, расположившись с дымящейся чашкой кофе и сигаретой во дворе, на дощатой скамейке, начал я думать о том, что только что услышал. Не от бабушки-большевички, от женщины, заработавшей честным бизнесом состояние и зачисленной властью в преступники...

Рос столбик пепла на сигарете, кофе приятно согревал... Нет, Сан Саныч, не хочу врать Вам даже так вот, на расстоянии: не пересилю я себя, не пойду за Вами следом и никогда за Вас не проголосую.

Но и по-прежнему относиться к Вам после услышанного уже не смогу.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ...

И все-таки нашелся у меня вопрос с закавыкой, когда снова шагнул я, накурившись, с мороза в дом. Размышления о красном флаге навеяли...

— Пани Юля, а что ж народ, который уже довели до отчаяния, не к Вам и Морозу тянется, а к коммунистам?

Но пани опять мой вопрос не удивил.

— От отчаяния. У простого человека при слове "демократия" сердце сжимается от злобы и неверия. Два бездарных президентства в Украине убили в людях веру в реформы. Да и неудивительно. А тут — издавна привычные лозунги, красивые слова о всеобщем равенстве...

вечера беседы наши словно сольются в одну, лишь важными партийными звонками да моими перекурами прерывающуюся. Я даже один раз заночую там, на гостевом диване, под голоса за стенкой и шум сосен, гнущихся под колючим ветром. И еще не буду я называть больше собеседницу мою Юлией Владимировной — слишком поверил я ей, слишком полюбил для этого. Обращаюсь я к ней с тех дней и до сих пор "пани Юля". Она бы, наверное, и просто против "Юли" не возражала — не в чинопочитании и демонстрации могущества она себя реализует, да только для меня наше, украинское "пани" очень уж неотрывно от ее имени и образа. Потому что, как и все любимые мои украиночки, в самые тяжелые минуты остается она женщиной — опрятной и приветливой, и с усталостью смертельной борется улыбкой, и глаза ее теплом наполняются, когда она видит дочку, взрослую совсем и на всех своих сверстниц похожую. И еще отказываюсь я верить, что мудрый мой народ не увидит, не заметит, что живет среди нас женщина — не речистая, но мудрая и мужественная, способная вылечить больную страну, да так, чтобы не голодали старики и дети, чтобы не уходили наши мужики и девчонки к иноземцам в "наймы", чтобы жили мы весело, богато и с гордостью за свою землю. А к лидеру и спасителю страны моей без уважительного "пани" обращаться себе не позволю.

Древним воинам — запорожцам хватало мудрости выбрать в гетманы того, кто сумеет править лучше всех. Неужели мы глупее их, хоть и живем в век космоса и телевизора? А может, нет среди нас казацких потомков?

Как-то, недавно совсем, сказал мне один знакомый политик:

—Какие казаки?! Ты что, рехнулся? Казаки в бою полегли, с саблями в руках. А гречкосеев, что на соседних полях спины гнули, не тронули: кому они опасны, гречкосеи? Вот от них,

бессловестных и покорных, мы все и родились, так что не фантазируй и не обольщайся.

Я тогда долго спорил с ним. Больше не буду. Сама жизнь покажет, кто был прав — казацкого рода люди выберут пани Юлю в гетманы (и ни клевета повсеместная, которая ее грязью на все лады поливает, ни запугивания местных воров-чиновников, властью поставленных, их не остановят). А все остальные, конечно, власть послушают, пойдут, как бычок на веревочке, куда поведут...

Скажете, слишком уж я категорично говорю? Вы бы еще не так говорили, если бы они, власть крепко держащие, дали Вам увидеться и хоть немного поговорить с пани Юлей. Да только не дадут они, ясное дело. Отсюда и книга эта, и огромная, впервые за всю жизнь упавшая на мои плечи ответственность: написать не выдумку, которая всех порадует, а правду, в которую все поверят. Я слабый, Господи, не получиться у меня может, помоги мне, пожалуйста...

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Чтобы заснуть спокойно (а может, и для того, чтобы утром не передумать, не смалодушничать) позвонил я на ночь глядя, своему заказчику. Перекрикивая сладко-манящие звуки ночного клуба, влетающие в его мобильный на том конце, сообщил, что работу сделать не смогу. Получилось как-то вяло, невнятно. Но все же я это произнес. И тут же сжался, ожидая упреков, уговоров, а, может, и угроз даже...

Но ничего этого не было. Хотите знать, что он ответил? Я дословно помню.

— Да? Ну, ладно, как хочешь... Мы ее и так зароем...

И закончил разговор. Вот так.

КАК Я РАЗОЗЛИЛСЯ

— А вы сами за кого голосовали на последних выборах? — *вдруг спросила моя собеседница.*

Я даже растерялся на секунду. Привык, что, как в милиции, "здесь вопросы задаю я".

— За Леонида Кучму. Второй был красным, а я их власть слишком хорошо помню...

— Это во втором туре. А в первом туре почему не за Мороза?

Ну, на это мне было что сказать — от души и много.

— А потому, пани Юля, что за Мороза я не проголосую никогда! Никогда и ни за что!! Этот человек 7-го ноября носит цветочки к памятнику Ленина, который почему-то еще не снесли!! А он не слабоумный и даже не дурак, поэтому не может не знать, что Ленин этот самый — картавый низкорослый маньяк, истребивший миллионы честных людей, расстреливавший, как заложников, малышей-шестилеток, уничтожавший "крестьянство, как класс", на костях человеческих начавший строить свою бредовую химеру!..

— Вот видите,— *со спокойной досадой произнесла пани Юля.*— Вас купили, как мальчика. Не простив человеку букет красных гвоздик на 7-е ноября, Вы отдали свой голос Кучме, при котором Украина утратила три миллиона людей, стала одной из самых криминальных и самых бедных стран мира... Так что Вы тоже в ответе за все, что творится. А Александр Александрович Мороз — порядочный человек... Он из тех "ненормальных", у которых душа болит за Украину и ее людей. По западным меркам он настоящий социал-демократ в отличие от нынешних СДПУ(о) в золотых часах и бриллиантовых запонках по пятьдесят тысяч долларов за штуку. Да, он левый политик, но нам сегодня уже не до деления на левый-правый. Сегодня все честные люди, а политики особенно, должны выступить единым фронтом против унич-

ким путем, без путчей и заговоров, через выборы менять правящие команды, которые его не устраивают, то очень скоро наступает спокойное благополучие.

Слышали? Поняли?

КОГО ЗАСЛУЖИЛИ...

— А с другой стороны,— *продолжала пани Юля*,— людей сегодня нельзя винить в том, что они часто делают неправильный выбор. Знаете, конечно, поговорку: "Каждый народ имеет того правителя, которого заслуживает". Так вот, я категорически против этого утверждения применительно к Украине сегодня. В наше время все решает информация — газеты, телевидение — и можно только сказать, что наш народ глубоко обманут. Обманут до такой степени, что само сознание его изуродовано. И это не его, народа, вина. Профессионально состряпанная ложь льется с экранов такими потоками, что ни один мозг не справится! Меня часто спрашивают, какой закон я приняла бы первым, придя к власти...

— *Я, вообще-то, хотел об этом отдельно поговорить...*

— Поговорим... Но я хочу сказать: все почему-то предполагают, что это был бы закон о приостановлении криминальной приватизации, или о механизмах немедленного повышения зарплат и пенсий, о снижении налогов... Да, это будет сделано незамедлительно. Но первым все же был бы закон о средствах массовой информации с выведением их из-под контроля криминальных групп. Потому что иначе никакие законы — даже самые необходимые — не заработают. Постоянно врущие газеты, телевидение и радио нужны только для оболванивания и обворовывания людей. В стране, которая начала путь к возрождению и благополучию, печатное и телевизионное слово должно быть свободным и честным. Иначе ничего не получится.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЕЩЕ РАЗ О БАБУШКЕ И НЕ ТОЛЬКО

Конечно же, снился мне всю ночь, рвал на части душу взгляд стоящей босыми ногами на морозной земле бабушки. И сам собой первый вопрос на следующий вечер возник:

— Пани Юля, как многие в Украине живут, не Вам одной известно. Ведь десятки политиков видели таких бабушек, смерть зовущих. Что у них, сердца каменные? У всех, что ли?

— Нет, они все внешне симпатичные, неглупые люди. Но привыкли ежедневно, как зубы чистить по утрам, пользоваться существующей несправедливостью во всех ее проявлениях. Несправедливо делят "ресурс", несправедливо делят власть, несправедливо эту власть используют, даже правосудие приспособили себе на службу. Все остальные живут по остаточному принципу. А там, честно говоря, и в остатке ничего нет. Да и кому это нужно — смотреть, что там в осадок выпало. Вот и складывается такая виртуальная любовь к людям, когда слезы от любви на глазах, а руки шарят по человеческим душам и карманам. По-настоящему любить — это значит от себя — благополучного, обеспеченного властью, сочный ломоть отрезать и отдать тем, кого любишь, а лучше, всего себя без остатка: раньше это справедливостью и жертвенностью называлось. Но именно это для них с первых секунд и невозможно.

Все Вы очень понятно растолковали, пани Юля, но хочу (уже привычно) перевести для людей слова Ваши на живой язык. Родные мои, напрасно мы, оказывается, припадаем к экранам телевизоров, когда новости передают и показывают жутко сосредоточенные лица наших правителей. Они не о том думают, как выплатить Вам зарплату, как обеспечить посевную дизтопливом, а заводы и дома — светом и теплом. Они РЕСУРС между собой делят. "Дерибанят" наше добро,

как урки после удачной кражи. И нет у них других забот. Да и быть не может. Вот так — просто и невесело. Что, проголосуем за них и на этот раз? А то ведь они еще не наделились...

— Пани Юля,— я посмотрел чуть по-новому на хрупкую ее фигуру,— и что, Вы с этими дядьками бороться собираетесь? Они же Вас — "ам!" — и всего делов!..

— Я не "собираюсь" бороться с ними. Я делаю это с того момента, когда пришла в политику. Вопрос ими был сразу поставлен очень жестко: или я "играю по правилам", то есть присоединяюсь к правящему клану, делящему "всеукраинский каравай" по своим "понятиям", либо вокруг меня будет выжженная земля. То есть, меня попросту уничтожат. Что они и пытаются сделать...

Совершенно не злобно произнесла это пани Юля, как формулу на доске начертала. И в очередной раз понял я (сам кипящий в ту минуту от праведного гнева), что в этом спокойствии, может быть, и содержится та самая сила, которой я уже никогда не научусь владеть — сила настоящего политика.

— Ну, ладно, жалости от них ждать нечего. А как же честолюбие? Неужели никому не хочется в учебники попасть как великому политическому деятелю, возродившему страну?

Я этот вопрос не так просто задал. Разговорился я когда-то с пожилым уже турком, и он мне сказал: "Знаешь, в моем доме висит портрет Ататюрка. Не потому, что положено, нет, никто никого не заставляет. Просто за мою жизнь он превратил Турцию из страны босоногих нищих, где о водопроводе и газе вообще не слышали, в страну НОРМАЛЬНУЮ. Пусть не самую процветающую, но вполне цивилизованную. Я это сам видел".

Не раз и не два думал я: почему, интересно, никто из наших политиков не хочет остаться в благодарной памяти поколений навеки?! Ведь даже жертвовать им особенно ничем

не придется, денег они наворовали на три-четыре поколения вперед, пора и честолюбию волю дать...

— Я практически не знаю людей,— *чуть задумчиво, словно боясь ошибиться, сказала пани,*— которые ставят перед собой такие "безумные" с точки зрения подавляющего большинства политиков цели, как спасение и возрождение страны. Это стало немодным и убыточным для своего кармана. А те, кто это пытается делать, как правило, не обладают достаточным знанием и возможностями, а потому обречены на неудачу. Нужно не только ХОТЕТЬ, нужно УМЕТЬ. Это трудно.

— А Вы можете?

— Да, могу. И поэтому не имею права отступить.

И КАК ЖЕ НАМ БЫТЬ?

Я прямо так и спросил — может, простецкая моя наивность заставит пани Юлю говорить проще? Кажется, сработало!..

— Для начала, мне кажется, людям можно посоветовать две вещи: во-первых, судить о состоянии дел в стране не по лживым телевизионным выступлениям, заверяющим, что Украина уже всех на свете обогнала по темпам роста производства и все такое прочее, а заглянув в свой холодильник — сколько там молока, масла, колбасы, сыра. Такой вот не очень романтичный, прагматический подход. Зато объективный. А затем заглянуть в свои опустошенные души.

И второе. Не нужно бояться менять власть, которая Вас не устраивает, обманывает год за годом, ссылаясь на "трудности переходного периода". Да они десятилетие уже тянутся, эти "временные" трудности! Это — миф для доверчивых и наивных! Если хаос длится десять лет, значит, он кому-то нужен. Власть постоянно пытается внушить людям: "Выберете не нас, будет еще хуже! Не дай Бог, гражданская война". А хуже-то некуда... Опыт развитых стран показывает нам: если народ не боится демократичес-

На отдыхе

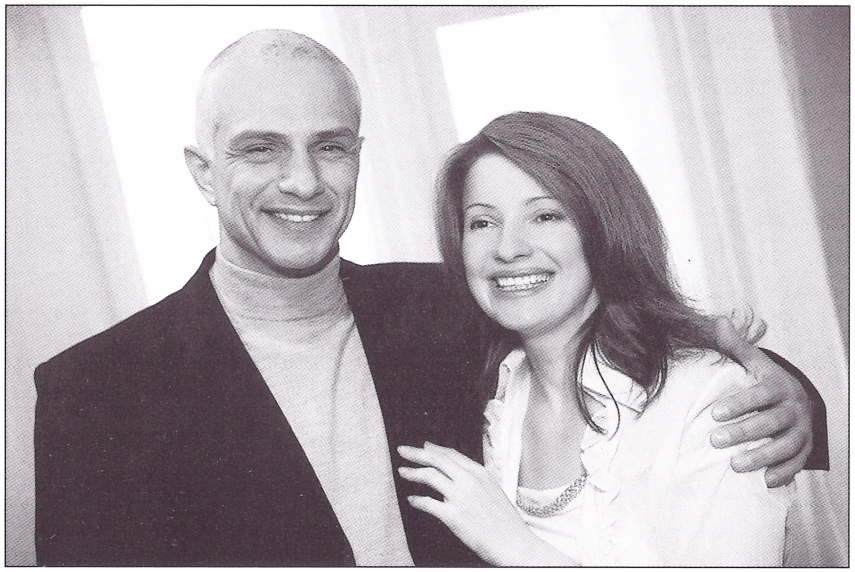
На трибуне Верховной Рады

В ложе правительства

С Президентом Туркменистана

На Хмельницкой АЭС

С дочерью Женей



С мужем Александром

По хозяйству

В регионы с проверкой

На энергообъекте Донбасса

С Премьер-Министром

Освобождение

С мамой

После пресс-конференции